
ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-303-340

УДК 821.161.1

«Но строк постыдных не смываю...»: 1949 год в жизни И.Н. Розанова

© 2019, Н.А. Богомолов

Аннотация: Статья посвящена событиям февраля-апреля 1949 г. на филологическом факультете МГУ и в ИМЛИ. Основной источник — дневниковые записи И.Н. Розанова, принимавшего участие в событиях, основательно изученных на примере ленинградских институций (филологический факультет ЛГУ и ИРЛИ), в то время как о московских событиях того времени до сих пор было известно сравнительно немного.

Ключевые слова: И.Н. Розанов, МГУ, ИМЛИ.

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Цитирование: *Богомолов Н.А.* «Но строк постыдных не смываю...»: 1949 год в жизни И.Н. Розанова // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 303–340. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-303-340

Историки русской культуры советского периода хорошо знают двух-томник «Идеология и филология»¹, почти исчерпывающе освещающий события 1949 г. в филологической среде Ленинграда. Однако ситуация в Москве была, пожалуй, важнее для всей советской культуры, чем ленинградская. Тем не менее о ней написано несравненно меньше, да

¹ *Дружинин П.А.* Идеология и филология: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1–2. Этой работе предшествовали две фундаментальные статьи: *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176; *Они же.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135.

и материалов осталось не слишком много (см. об этом далее)². Но эти события достаточно подробно отразились в дневнике Ивана Никаноровича Розанова (1874–1959), поскольку он был связан одновременно с филологическим факультетом МГУ, Институтом мировой литературы и Союзом писателей, а так как соответствующие беседы, заседания, собрания и пр. проходили всюду, то его записи обладают очень важным качеством — возможностью панорамного охвата происходящего. Конечно, он знал и видел далеко не всё, но контекст поддается восстановлению, что мы и постарались сделать в сопроводительных словах.

Первая запись о начинающемся погроме обнаруживается в самые первые дни февраля 1949 г., но нет сомнения, что почва была уже до некоторой степени возделана. Случайно или нет, но первая из обнаруженных нами записей такого рода относится к ноябрю 1946 г., то есть сделана вскорости после августовского ждановского постановления, статей и заседаний после него. В нем не было никакого открытого антисемитизма, но воцарившаяся после «указа», как его именовал Розанов, общая атмосфера в культуре и особенно в литературе была угнетающей, и на этом фоне самые малоправдоподобные истории выглядели убедительными³.

9 ноября 1946 г. Розанов заносит в дневник впечатления от вечера у давней приятельницы В.А. Любимовой-Маркус, где был вместе с женой:

Вечером с Кс[енией] у Вали, где застали старую сценаристку Вал. Ал. Бессонову, которая рассказала о положении кино в наст[оя-

² Отметим следующие работы: *Дружинин П.А.* Филологический факультет Московского университета в 1949 году: Избранные материалы // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 380–452 (далее: Дружинин, с указанием страниц); *Панов С., Панова О.* «История американской литературы» в советской Академии наук. Статья первая // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 194–242; То же. Статья вторая // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 252–372 (далее ссылки на вторую статью: Пановы, с указанием страниц). В первой опубликованы материалы обсуждения работы филологического факультета в Министерстве высшего образования СССР (далее мы используем и общеупотребительное сокращение «Минвуз»), во второй на обширном материале показано в основном начало проработок в ИМЛИ, о которых у нас пойдет речь далее. Несколько существенных источников по московским событиям названо в рецензии на двухтомник Дружинина: *Кацис Л.* Ошибки в идеологической работе // Лехаим. 2012. № 12. С. 98–102 (следует отметить, что к итоговым выводам автора мы не присоединяемся). В данном случае мы не указываем на различные мемуарные материалы о том времени, а также на сборники документов и материалы, связанных с общей проблемой советского антисемитизма и его внешних проявлений.

³ Литература о постановлении обширна. Позволим себе назвать лишь одну статью: *Дружинин П.* Годовщина Победы или начало новой войны? // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 455–469. В ней не только опубликована подлинная стенограмма доклада Жданова, но и точно сформулировано: «Август 1946 года поставил литературу на новые рельсы. Особенность момента в том, что это не был поворот литературы — это был поворот истории. Началась новая эпоха».

щее] время. Рекомендовано 5 тем: 1) Лен (она и пишет сценарий на эту тему) 2) Уголь 3) Нефть 4) Железо 5) Транспорт. Более всего меня поразили нравы в области этого искусства. Образовался какой-то синдикат из 10–12 киношников (Ромм, Габрилович и др.), к[отор]ые никого стараются не пропускать иных. Габрилович зарабатывает тысяч по 100 ежемесячно. Виноградская должна уплачивать 75% своего заработка, чтобы ее пропускали. Обычно берут 50%. Если картина и не поставлена, но принята, авторы получают большие деньги (до 150 т.). Габрилович с Роммом каждый месяц пишут вместе по сценарию, к[отор]ые не идут. Говорили и о вульгарности жены Габриловича⁴.

Однако через два с небольшим года началось не с кино, а с театра, даже с театральной критики. Громыхнуло почти одновременно в нескольких местах — в «Правде», в «Литературке», в «Культуре и жизни»⁵. Конечно, акция готовилась уже некоторое время⁶, но началась именно в эти последние дни января. Однако Розанов в своих записях обращает внимание совсем на другие, вроде бы менее значимые события. 3 февраля он записывает:

Я в институте. В секторе Благое мало народа [...] Когда выходил с Цейтлиным и Фридманом, узнал от них, что в МГУ Поспелова сняли с завед[ования] аспирантурой и лишили курса теории лит[ерату]ры. Цейтлин говорил, что Л.И. Тимофеев усвоил себе “arg kajaniка”⁷.

Участники этого разговора широко известны, поэтому не станем комментировать их имена. Отметим только, что Н.В. Фридман вскоре и сам подвергся заушательской критике, а о причинах резкой критики и «оргвыводов» в отношении Г.Н. Поспелова существует специальная

⁴ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 5. Ед. хр. 7. Л. 181об.–182.

⁵ См. неподписанные статьи: Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. № 28, 28 янв. С. 3; До конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков // Литературная газета. 1949. № 9, 29 янв. С. 1; На чуждых позициях: О происках антипатриотической группы театральных критиков // Культура и жизнь. 1949. № 3, 30 янв. С. 2–3. Остальные газеты оригинальных статей на эту тему не публиковали. Все они перепечатаны: Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953. М., 2005. С. 232–259. Вдобавок к этому «Литературка» напечатала в том же номере на третьей полосе еще одну статью: *Мотылевская В.* Космополиты из журнала «Театр».

⁶ Ныне эта подготовка основательно документирована. См.: Сталин и космополитизм. С. 195–232.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 5. Ед. хр. 10. Л. 47 об., 51. В дальнейшем при ссылках на данную единицу хранения указываются только номера листов.

работа⁸, к которой и отсылаем читателя. Мы вполне верим, что деятельность аспирантуры филфака имела немало недостатков⁹, но очевидно, что снятие Г.Н. Поспелова с этого поста, который вскоре должен был превратиться в должность заместителя декана по аспирантуре (т.е. значительно более высокую в номенклатуре), было связано с резкой критикой его научной и педагогической деятельности.

Вторая запись также относится к деятельности филологического факультета:

12 февр[аля]

Веч[ером] был Василенок. Рассказал, что было бурное партийное заседание в МГУ. Резко критиковали многих преподавателей, в том числе каф[едры] Ковальчик. Говорили о кафедре фольклора. Еголин был против слияния литературы с фольклором. Резко нападали на Богатырева как руководителя каф[едры] фольклора (Л. 67).

Сергей Иванович Василенок (1902–1982) только недавно, в 1947 г. был принят на кафедру фольклора, но уже успел отметиться в роли гонителя. В.Е. Хализев вспоминал: «Имело место гонение и на фольклористику, здесь кампанию возглавлял С.И. Василенок, в ту пору заместитель декана. 15 ноября 1947 года на страницах “Литературной газеты” он “прорабатывал” П.Г. Богатырева за включение в лекционный курс темы “Мифологическая школа в России”. Проработчик сетовал, что в программе соответствующего курса нет раздела “Классики марксизма-ленинизма о народном творчестве”. Василенок возмущался и тем, что фольклористы филологического факультета до сих пор не обсудили решений партии по идеологическим вопросам и доклада Жданова 1946 года. Тот же Василенок на страницах факультетской газеты “Комсомолия” грубо шельмовал Э.В. Померанцеву, замечательного фольклориста и вузовского педагога»¹⁰. Всё это дает основания для реконструкции той информации, которую от него получил Розанов.

⁸ См.: Хализев В.Е. Г.Н. Поспелов в пору борьбы с «буржуазным либерализмом» и «космополитизмом» А.Н. Веселовского (1947–1949) // Русское литературоведение XX века: Имена, школы, концепции. М.: СПб., 2012. С. 21–30.

⁹ В апреле 1949 г. на уровне коллегии Минвуза было принято решение, в котором специально говорилось об аспирантуре. См.: Дружинин. С. 390–393. Ср. также в обзоре факультетской стенгазеты «Комсомолия»: «Правильно был поднят газетой и вопрос о положении в аспирантуре. Царящие на факультете спокойствие и самоудовлетворенность никак не базируются на действительном положении дел» ([Б.н.]. В борьбе за партийность науки // Московский университет. 1949. № 6–7, 4 февр. С. 2).

¹⁰ Хализев В.Е. Цит. соч. С. 22. Имеется в виду статья: Василенок С. Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство // Литературная газета. 1947. № 55, 15 нояб. С. 3. Примечательно, что редакция, в отличие от некоторых других случаев,

Евгения Ивановна Ковальчик (1907–1953) заведовала в ту пору кафедрой советской литературы, до того была заведующей отделом литературы и искусства газеты «Известия», секретарем «Литературной газеты», работала в аппарате ЦК ВКП(б). Еще в 1947 г. после доноса бывшей коллеги А. Бегичевой¹¹ была уволена с этой работы и отправлена в распоряжение Союза писателей. На посту заведующего ее со временем сменил неудобозабываемый А.И. Метченко, о котором ниже¹². В самый день розановской записи она отметилась погромной статьей на интересующую нас тему¹³.

Следует отметить, что, судя по всему, речь идет о партийном собрании на филфаке, прошедшем 27 января, т.е. достаточно давно. Отождествить события помогает статья в университетской многотиражке¹⁴. Если это так, то оно является лишь преддверием к интересующим нас событиям, поскольку прошло под знаком решений знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Это и не удивительно, поскольку не вышла даже самая первая статья о театральных критиках — она появилась днем позже. Но две кампании плавно перетекали одна в другую.

20 февраля умер В.И. Лебедев-Кумач, которого Розанов ценил очень высоко. Его очень обидело, что в газетных некрологах поэта не было его подписи¹⁵. Казалось бы, событие не слишком значимое, но, как мы увидим позже, сильно повлиявшее на его позицию и тактику.

не дала возможности ответить обвиняемым. Уже после завершения интересующей нас кампании он опубликовал вторую статью: *Василенок С., Серегин И.* Против крохоборчества и лежакадемизма // Литературная газета. 1949. № 95, 26 нояб. С. 3. В засекреченной стенограмме заседания коллегии Министерства высшего образования СССР от 23 марта 1949 г. приводится его вполне доносительская речь (см.: Дружинин. С. 416–419).

¹¹ См.: Сталин и космополитизм. С. 155–157.

¹² О деятельности Ковальчик в МГУ сохранились разные свидетельства. Некоторые (в том числе В.Е. Хализев) говорят о ней как о злобном догматике, другие, не приукрашивая достоинств ее статей и лекций, вспоминают о ней как о добром и расположенном к студентам человеке. Автору пришлось услышать от неожиданно разоткровенничавшегося в домашней обстановке А.И. Метченко (дело было ранней осенью 1979 г. у него на даче), что его перевели из Куибышева в Москву на заведование кафедрой, чтобы исправить положение с засоренностью кадров (т.е., грубо говоря, слишком большим количеством евреев), возникшее за время руководства Ковальчик. Между прочим, из трех аспирантов, участников войны, членов партии, ведущих активную общественную работу, ему было позволено оставить на кафедре только одного. Имена этих аспирантов хорошо известны: А.Г. Бочаров, Л.И. Шиндель (Л. Лазарев), Л.Г. Якименко. Некоторые интересные документы и свидетельства о Ковальчик см.: *Огрызко В.* Создатели литературных репутаций. Русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М., 2017. С. 685–689.

¹³ *Ковальчик Е.* Безродные космополиты // Литературная газета. 1949. № 13, 12 февр. С. 3.

¹⁴ См.: [Б.н.]. К новому подъему // Московский университет. 1949. № 6–7. 4 февр. С. 2.

¹⁵ См. хотя бы следующие некрологи: Правда. 1949. № 53, 22 февр. С. 4; Труд. 1949. № 43, 22 февр. С. 4; Комсомольская правда. 1949. № 43, 22 февр.

Впервые он зафиксировал свои намерения в подробной и важной записи от 25 февраля. Приводим ее:

Дома обдумывал, не выступить ли в прениях и поделиться мыслями о врагах Лебедева-Кумача. Но заседания так были перегружены, что я отложил до другого раза.

1) Заседание в Инст[итуте] Уч[еного] совета. Доклад Головенченко о театральных критиках. Очень удачный. После доклада выступали 2) Михайловск[ий] (о Юзовском), 3) Бялик, 4) Храпченко (о Бялике и проч.). После меня говорили А[нна] Аркад[ьевна] Елистратова и Бродский. (Головенч[енко] упомянул о буржуазной колыбельной песенке в фольклоре еврейском).

II) От 7 до 9 засед[ание] в МГУ, в новом здании, аудитория 66. Доклад Ковальчик (Л. 87–87об.)¹⁶.

Здесь важны все три пункта.

Заседание Ученого совета ИМЛИ, затянувшееся на три дня с большими перерывами, было подробнейшим образом застенографировано, потом стенограммы вычитаны, перепечатаны, переплетены и сданы в архив Академии наук. Федор Михайлович Головенченко (1899–1963), делавший установочный доклад, так понравившийся Розанову, был его давним знакомым по Гослитиздату, где Головенченко директорствовал, а Розанов нередко печатался. В 1948 г. он был назначен заместителем заведующего отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и сразу же окунулся в кипучую деятельность¹⁷, приобретшую особый размах с февраля 1949 г.

Журнал «Большевик» еще 30 января, т.е. в одном ряду с антикосмополитическими статьями газет, печатает статью И.Г. Эренбурга с выразительным названием «В защиту культуры»¹⁸, но уже в следующем номере, через две недели, публикует статью Головенченко, которую имеет смысл процитировать хотя бы в некоторых наиболее выразительных фрагментах:

Безродные космополиты орудовали не только в театральной критике: они нанесли большой вред и в литературе. В свое время

С. 4. Действительно, подписи Розанова нет ни в одном из них. «Литературная газета» некролога не поместила: в номере от 22 января были материалы памяти А.С. Серафимовича и М. Голодного.

¹⁶ Далее идет запись о вечере памяти Э.Г. Багрицкого в ЦДЛ, любопытная сама по себе, но несущественная для нашей темы.

¹⁷ Данная ему при назначении Д.Т. Шепиловым характеристика опубликована: Сталин и космополитизм. С. 181–182.

¹⁸ Эренбург И. В защиту культуры // Большевик. 1949. № 2, 30 янв. С. 59–67.

жестокой критике подверглись статьи Л. Субоцкого. Но автор не сделал для себя нужных выводов. Этот критик приписывал советским писателям «квасной патриотизм», обвиняя их в идеализации русского народа. Он охаял патриотическую «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. [...]

В стороне от жизни, в стороне от борьбы за передовую русскую литературу стоят Институт мировой литературы имени Горького (Москва) и Институт литературы (Ленинград). Профессора института русской литературы в Ленинграде В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, Б. Томашевский и другие продолжают стоять на позициях формализма и эстетства, руководствуются буржуазной теорией Веселовского, являющейся оплотом буржуазного космополитизма в историко-литературной науке, теорией, глубоко враждебной научному, марксистско-ленинскому литературоведению. [...]

С космополитических позиций написаны книги об английской, американской литературах, выпущенные Институтом мировой литературы имени Горького. Составители истории американской литературы (Старцев, Аникст, Сильман, Шишмарев и другие) и истории английской литературы проповедуют преклонение перед буржуазной американской литературой, перед буржуазными английскими авторами¹⁹.

3–4 марта он, как сообщает Википедия, выступает на партсобрании Академии общественных наук с докладом «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте», 17–21 марта участвует в заседании совета Военно-политической академии и делает доклад «Борьба большевистской партии против буржуазного космополитизма в идеологии»²⁰, 25 марта, как видим, выступает на Ученом совете ИМЛИ. Вряд ли имеет смысл цитировать его речь по архивному тексту, поскольку смысл ее адекватно передан в газетной статье²¹. Время торжества Головенченко, однако, продолжалось недолго. Автор надежной по части сообщаемых фактов книги писал: «Весной 1949 года, во время кампании

¹⁹ Головенченко Ф. Высоко держать знамя советского патриотизма в искусстве и литературе // *Большевик*. 1949. № 3. 15 февр. С. 39–48. Расправа над «Историей американской литературы» выразительно описана в статье О. и С. Пановых, названной в примеч. 2.

²⁰ Сталин и космополитизм. С. 334–337.

²¹ [Б.н.]. Против буржуазного космополитизма в литературоведении // *Литературная газета*. 1949. № 23, 19 марта. С. 3. Статья начиналась: «Три дня продолжалось заседание ученого совета Института мировой литературы имени А.М. Горького Академии наук СССР, посвященное вопросам борьбы против космополитов-антипатриотов в критике и литературоведении. В своем докладе проф. Ф. Головенченко указал на огромное значение статей газет “Правда” и “Культура и жизнь”, разоблачивших деятельность антипатриотической группы театральных критиков».

борьбы против космополитизма, назначенный тогда специально для руководства ею на пост заместителя заведующего Отделом Пропаганды ЦК КПСС профессор Головенченко — недалекий, но услужливый круглолицый украинец, заведовавший до того кафедрой русской литературы в Институте, где я был аспирантом, — разъярился на партактиве в подмосковном городе Подольске: ”Вот мы говорим — космополитизм. А что это такое, если сказать по-простому, по-рабочему? Это значит, что всякие мойши и абрамы захотели занять наши места!” Было это сказано в конце кампании и использовано Сталиным, чтобы прогнать назад в Институт сделавшего свое дело мавра»²².

Процитируем избранные места из выступлений других ораторов, упомянутых Розановым. Б.В. Михайловский говорил, в частности, следующее: «В стенах нашего института работал один из наиболее видных членов этой антипатриотической группы Юзовский, который во многих своих работах извращал драматургическое горьковское наследие. Юзовский работал в институте сотрудником Горьковского сектора, которым руковожу я. Поэтому, мне кажется, нам особенно необходимо разоблачить эти вредоносные, антипатриотические писания Юзовского о Горьком, для того, чтобы пресечь то тлетворное влияние, которое они могли оказывать на работу»²³.

Б.А. Бялик пытался объяснить логику своих работ, но его доклад не был принят во внимание, его имя многократно упоминалось в выступлениях с уничижительными оценками, несколько смягченными лишь вследствие его фронтовой биографии²⁴. Известный номенклатурный деятель М.Б. Храпченко говорил, в частности:

Я хочу напомнить товарищам весьма важный факт: еще до войны и театральные критики — буржуазные космополиты, и литературные критики объединялись в журналах «Литературный критик», «Литературное обозрение». Именно в этом журнале, кроме других, появился Юзовский и Левин, появился Лифшиц, бывший одним из

²² *Восленский М.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр. и доп. London, 1990. С. 443–444. Головенченко был освобожден от обязанностей в Агитпропе в апреле 1949 г. Следует отметить, что до призыва в руководящие органы партии он заведовал кафедрой русского языка в Высшей партийной школе, а после отставки стал работать в МГПИ (зав. кафедрой русской литературы, в 1957–1962 гг. — декан историко-филологического факультета). В МПГУ к его памяти относятся с уважением. Вполне выразительные и дополняющие друг друга очерки его номенклатурной карьеры см.: *Огрызко В.* А судьи кто?! Русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М., 2016. С. 706–712; *Он же.* Советский литературный генералитет: Судьбы и книги. М., 2018. С. 540–547.

²³ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 25.

²⁴ См. выдержки из наградного листа: <http://www.podvignaroda.mil.ru/?#id=19685501&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 8.06.2019).

идеологов буржуазного космополитизма. Не случайно, что левины восхваляли юзовских, буржуазные космополиты восхваляли друг друга. Не случайно и то, что ряд буржуазных космополитов пропагандировали [!] те же приемы, и литературные критики боролись против партийности искусства. [...]

Сегодня выступал тов. Бялик и очень подробно говорил о своих ошибках. Мне кажется, что тов. Бялик совершенно недостаточно раскритиковал свои грубые ошибки, ошибки, на которых нельзя не остановиться. [...]

Он ставил Мейерхольда наряду с такими художниками, как Брюсов и Блок, которые порвали с символизмом, которые были шире символизма и, заключая в себе новые черты и новые начала — вошли в революцию. Само сопоставление Брюсова, Блока и Мейерхольда представляется чудовищным, если иметь в виду, что эта книга написана в 1937 г., когда театр Мейерхольда был ликвидирован как театр, чуждый народу...²⁵ и т.д.

Слова «после меня» означают не то, что Розанов выступал, а то, что он ушел и следующих выступлений не слышал. Стенограмма выступления А.А. Елистратовой частично опубликована²⁶, поэтому нет смысла цитировать ее в большем объеме. Давний друг Розанова Н.Л. Бродский говорил вполне примирительно²⁷. Но замечание Головенченко Розанова задело. Тот говорил: «Была напечатана книжка — “Фольклор еврейского народа”. Русское издательство считало необходимым лучшие традиции всех народов доводить до народа и сделать их достоянием народа. А. Нусинов [так!], Лейтес и группа других рецензентов настояли на том, чтобы в этом сборнике первой напечатать колыбельную песню еврейского народа: “Спи, баюшки-баю! Спи, отец твой в Америке, приедет оттуда и привезет бубликов и самых белых булок, потому что Америка — страна самого белого хлеба”. Мы спрашиваем у этих космополитов: зачем печатать это произведение? Нет, они настаивают: это, мол, самое популярное произведение еврейского народа. Мы говорим: неверно, вычеркните это»²⁸. Такой книжки не было, обличитель имел в виду следующую, к которой Розанов приложил руку: Еврейские народные песни / Сост. И.М. Добрушин и А.Д. Юдицкий; предисл. И.Н. Розанова; под общ. ред. Ю.М. Соколова. М.: Гослитиздат, 1947 (см. также запись от 1 марта). Самое примечательное в этом эпизоде, что книга была издана в Госли-

²⁵ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 46–47, 50.

²⁶ Пановы. С. 293–294. См. также характерную публикацию: *Елистратова А. Предатели народов* // Литературная газета. 1949. № 18, 2 марта. С. 4.

²⁷ 1 марта Розанов записал в дневнике: «Зашел и в Инст[итут], где мне рассказали, как в пяти[ицу] выступал Бродский (Он бранил Чаадаева)» (Л. 96).

²⁸ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 19.

тиздате, директором которого был Головенченко, о чем он, естественно, не упомянул даже в порядке большевистской самокритики.

Второе событие, упомянутое Розановым, документировано гораздо хуже²⁹. Однако некоторые сведения имеются и о нем. В.Е. Хализев вспоминал: «Высшей точкой антипоспеловской кампании был 1949 г., в начале которого на секции критиков в Союзе писателей с погромной речью об идеологической крамоле на филологическом факультете выступила Е.К. Ковальчик, работавшая на кафедре советской литературы и являвшаяся членом редколлегии “Литературной газеты” [...] На основе своего доклада Ковальчик написала статью “Псевдоученые записки” (Литературная газета. 1949. 28 сентября). [...] В выражениях она не стеснялась: “Всё выдает формализм, аполитичность автора статьи и глубочайшую антинаучность взглядов... Читателя статьи не может не удивить предельная сбивчивость понятий Г. Пospelова, пустопорожность всего хода рассуждения, внешне прикрываемая учеными ссылками”. Доклад Ковальчик, предшествовавший появлению ее статьи, обсуждался на заседании кафедры русской литературы 25 февраля 1949 г. Как протекало и чем завершилось это заседание, мне неизвестно»³⁰. И далее он публикует сохранившийся в его архиве текст Г.Н. Пospelова, озаглавленный: «Выступление на заседании кафедры 25/II–49 года»³¹.

Нам кажется, что мемуарист за давностью лет несколько трансформировал обстоятельства. «Новое здание» университета — то, которое расположено по адресу Моховая, 9 (ныне здесь размещен факультет журналистики). Аудитория 66 (ныне 232) — одна из самых больших в здании, здесь читались поточные лекции для филологов. Проводить там заседание кафедры истории русской литературы было бы странным. Здесь явно идет речь о собрании какого-то более высокого статуса, а заглавие поспеловского текста не должно вводить в заблуждение. Рискнем предположить, что он был написан уже после собрания для оглашения на каком-то аналогичном заседании (возможно, 4 марта, о котором см. ниже, или для неизвестного нам заседания кафедры перед планировавшимся 30 марта общефакультетским собранием³²). А об утрате текста выступления Ковальчик вряд ли стоит печалиться, тем более если его смысл восстанавливается по газетной публикации, указанной Хализевым.

²⁹ У автора имеется не без труда полученная справка архива МГУ, подписанная начальником архива О.В. Золототрубовой и документоведом 2 категории Н.П. Каргиной, в которой говорится: «...протоколы “общих собраний”, протоколы заседаний ученого совета [филологического] факультета, приказы декана факультета, личное дело профессора Розанова И.Н. [...] на хранение в архив МГУ не поступали».

³⁰ Хализев В.Е. Цит. соч. С. 24.

³¹ Там же. С. 26–30.

³² Вероятно, заглавие можно понимать и так: «Выступление на заседании кафедры [после собрания] 25/II–49 года».

Только с этого времени тема космополитизма на страницах дневника становится постоянной. 27 февраля Розанов с женой отправляются на именины давней приятельницы В.А. Любимовой-Маркус: «Разговор всё время касался заседаний и статей о космополитах, хотя Вл. Ал. и порывался несколько раз предложить отвлечься от современности» (Л. 90об.). 28 февраля: «Была А.Я. Дембо. [...] Она интересуется, что говорят на заседаниях о космополитах» (Л. 91). И далее в той же записи он рассказывает о недоразумении, которое задело его в связи со смертью В.И. Лебедева-Кумача: «Веч[ером] на Кудр[инской] площади встретил Евгенова, к[отор]ый рассказал, что для некролога Лебедева-Кумача дал дополнительно две подписи — Михалкова и мою. Первую приняли, а вторую нет: Михалкова знаем, а м[ожет] б[ыть], Розанов космополит?» (Л. 91–91об.). 3 марта: «Проснулся с неприятной мыслью об еврейской антологии 1947 г., и это отразилось на настроении всего дня» (Л. 98; запись сделана на полях тетради). Здесь можно обойтись небольшим комментарием: Валентина Александровна Любимова-Маркус (1895–1968) входила в организованный Розановым еще в 1916 г. кружок «Девичье Поле» для интересующихся поэзией девиц и молодых дам³³. Владимир Александрович Маркус (1893–1993) — ее муж, известный книговед. Анна Яковлевна Дембо — лечащий врач Розанова. Семен Владимирович Евгенов (1897–1973) — писатель, сотрудник Союза писателей. Ранее в дневнике Розанов выражал разочарование, что его подписи под некрологами В.И. Лебедева-Кумача не было. О «еврейской антологии» см. выше.

А затем следует большая и подробная запись, заслуживающая самого пристального внимания.

Два памятных дня, очень перегруженных.

4 марта пятница.

Два заседания — от 2 до 5 в Институте прения по докладу Головенченко 1) Покаянная речь Кирпотина и 2) обвинительная (против Кирпотина и Бялика) Пруцкова 3) Ломунова (о толстовских делах) 4) Цейтлина (самокритическая). Потом перерыв, во время которого перекинулся двумя словами с Успенским. В перерыв я и ушел. Без меня Успенский говорил против Мотылевой. [...]

От 7 до 12 второе заседание в МГУ. Та же тема. Прения по докладу Ковальчик. Выступали Ухалов (против Поспелова и Фридмана), Пустовойт, Абрамов, Белкина, Алпатов (за А. Толстого, против романов Тынянова «Вазир-Мухтар»), Коган, Ухов, Кергин [?] (2 последних о фольклоре), Еголин и Ковальчик (Л. 98об.).

³³ Подробнее см.: *Богомолов Н.А. Девичье Поле // Звезда. 2019. № 6. С. 109–139.*

Второе заседание ученого совета ИМЛИ было занято исключительно прениями. Мы не будем воспроизводить в подробностях однообразно-отвратительную риторику большинства этих выступлений, отметив лишь несколько примечательных моментов. Так, В.Я. Кирпотин не только каялся, он попытался переложить вину на журнал «Литературный критик», давно объявленный враждебным и в этом качестве помянутый ранее говорившим Храпченко. В частности, он сказал: «В “Литературном критике” были выступления В. Александрова, в которых доказывалось, что Иннокентий Анненский, т.е. один из самых гнилых декадентов предреволюционной литературы, является одним из родоначальников нашей советской литературы и что иное отношение к Иннокентию Анненскому может явиться декадентским» (Л. 68).

Суть выступления Н.И. Прутцова Розанов изложил вполне адекватно. Вот лишь небольшой образец его речи: «В прошлый раз выступил Борис Аронович Бялик, сегодня Валерий Яковлевич Кирпотин. И эти два выступления свидетельствуют о том, что наши товарищи не совсем ясно понимают, что борьба с космополитизмом должна быть доведена до конца. И тов. Бялик, и тов. Кирпотин не находят [так!] в себе мужества по-настоящему, как это положено научным работникам советской страны, вскрыть сущность своих не отдельных ошибок, не отдельных фраз, не отдельных формулировок, а именно сущность системы ошибок» (Л. 81). К.Н. Ломунов и А.Г. Цейтлин (а также не упомянутый Розановым А.И. Шифман) либо совсем ушли от прямых обвинений, либо свели их к минимуму.

Но собеседник Розанова в перерыве, произнесший пламенную речь уже после его ухода, заслуживает всяческого внимания. К сожалению, сведений о нем не слишком много, они объединены в статье О. и С. Пановых, поскольку он успел отметиться и в разгроме «Истории американской литературы». Вот характеристика партийного активиста и парторга ИМЛИ Игоря Николаевича Успенского: «В начале 1950-х гг. он отметил несколькими статьями о Л. Толстом и Горьком, был активен как рецензент журнала “Литература в школе”, выступал и на страницах той же “Культуры и жизни”, с публичными лекциями “Торький об Америке” (1949), “Маяковский о буржуазной “культуре” Запада и Америки” (1950), “Л.Н. Толстой как критик буржуазного строя” (1951) и др. В 1956 г., после доклада Н.С. Хрущева “О культе личности и его последствиях”, Успенский стал единственной “жертвой” работавшей в ИМЛИ “комиссии по ликвидации последствий культа личности” — из института ему пришлось уйти. Позже он преподавал во ВГИКе»³⁴.

³⁴ Пановы. С. 274.

Вот лишь малая часть его инвектив: «Прежде всего, напомним вам, что по печальному недоразумению и по ошибке бывшего руководства Академии Наук во главе нашего Института стоял последователь Веселовского В.Ф. Шишмарев. [...] Но дело не только в Шишмареве. У нас в ученом совете сидел враг народа Нусинов. У нас в институте подвизался другой враг народа, полная бездарность, полный графоман в науке Гринберг. Институт — лакомый кусочек. Сюда пытался пробраться не один безродный космополит, и, к сожалению, пробирался. С легкой руки Кирпотина орудовал безродный космополит Хольцман. Пробовал орудовать в институте и безродный космополит Юзовский. И больше того, когда началась борьба с такими людьми, как, предположим, Юзовский, когда делались попытки очистить институт от юзовских и тому подобных аникстов, старцевых, находились люди в лице того же Кирпотина, Мотылевой, Новича, Хом.....³⁵, Бялика, которые выступали яростно в защиту Юзовского. [...] Что бы мы ни взяли из работ Тамары Лазаревны Мотылевой, всё носит отпечаток идей космополитизма. Я не могу привести примеров и по сотой доле того космополитического груза, которым наполнены работы Тамары Лазаревны Мотылевой³⁶» (Л. 132–133, 137).

Особую пикантность его выступлению придавало то, что многие из сидевших на собрании помнили обсуждение «Истории американской литературы» в 1947 г., где «безродный космополит Хольцман» был его яростным сторонником³⁷.

³⁵ Фамилия не разобрана машинисткой.

³⁶ Некоторые примеры поношений Т.Л. Мотылевой приведены в не раз цитированной статье О. и С. Пановых (с. 275–276).

³⁷ См. выразительное описание его карьеры: «На стороне И. Успенского активно выступил на заседании Борис Владимирович Яковлев (Борух Вольфович Хольцман; 1913–1994), пришедший в ИМЛИ из газеты “Московский большевик” (впоследствии: “Московская правда”), ставший одновременно завотделом критики “Нового мира” при К.М. Симонове. В трудах ИМЛИ принять участия ему не довелось, в 1940-е его литературоведческий багаж составлял труд “Классики марксизма-ленинизма о языке и стиле” (М.: Центр. кабинет редакторов при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), 1942, 32 с.); он был сыном проф. Вольфа Хольцмана, главного советского специалиста по туберкулезу, лечившего М. Горького и расстрелянного в 1941 г. В 1949 г. Б. Яковлев как “космополит” был исключен из партии, уволен из ИМЛИ. [...] С наступлением “оттепели” Б. Яковлев вернулся к “ленинской теме” [...] К обвинениям “Истории американской литературы” в фактографизме и компаративизме он поспешил добавить “буржуазный объективизм”, “идеализацию” и “апологетическое отношение” к истории и культуре США. В обсуждаемой книге ему “не хватало партийности”, в ней он видел отступление от ленинских идей. [...] Завершил свое яркое выступление Яковлев эффектно: “Многие страницы книги следовало бы озаглавить ‘Американофильская история литературы, или Молоко для политических младенцев, извлеченное из грудей англо-американского буржуазного литературоведения’. Мне лично кажется, что не приходится доказывать, что такое ‘кушанье’ советским людям совсем не по вкусу”» (Пановы. С. 274–275).

Значительно более криптична фиксация событий на собрании филфака. Однако мы всё же можем прояснить (иногда, конечно, гадательно) личности выступавших, а также предположить, о чем они говорили.

Ефим Степанович Ухалов (1895–1976) был в ту пору секретарем партбюро филфака, через полтора месяца, 23 апреля 1949 г. назначен заведующим созданной кафедрой истории русской журналистики; с началом работы факультета журналистики стал заведующим кафедрой истории русской журналистики и литературы. Выразительную его характеристику давал В.Е. Хализев в не раз упомянутых своих воспоминаниях. Краткая запись Розанова подозрительно напоминает о статье в газете «Московский университет», которую мы разбираем ниже. Опубликовано его выступление на коллегии Минвуза 23 марта 1949 г.³⁸

Петр Григорьевич Пустовойт (1918–2006) был тогда рядовым преподавателем (защитил кандидатскую диссертацию в 1951 г.), впоследствии — профессор филологического факультета. О занятой им позиции можно судить по изложению его выступления на общемосковском собрании драматургов и критиков³⁹. Абрамов — судя по всему, Анатолий Михайлович (1917–2005), в 1949 г. защитивший на филфаке диссертацию о Маяковском; впоследствии — профессор Воронежского университета. Абрам Александрович Белкин (1907–1970) — доцент кафедры истории русской литературы, любимый многими студентами, изгнанный с факультета во время второй антикосмополитической кампании в 1952 г. Арсений Владимирович Алпатов (1905–1975) в 1920-е гг. был аспирантом ГАХН, делал интересные доклады, но постепенно его интересы сместились в сторону соцреализма и особенно творчества А.Н. Толстого, о котором он в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию и написал несколько книг. Эта эволюция хорошо отразилась в краткой записи Розанова.

О каком (или какой?) Коган идет речь, сказать трудно. Вряд ли это Галина Владимировна (1921–2009), тогда аспирантка ИМЛИ, а впоследствии автор работ о Достоевском. Скорее можно предположить, что это известный впоследствии критик, а тогда студент (окончил филологический факультет в 1949 г.) Александр Григорьевич (1921–2000). Петр Дмитриевич Ухов (1914–1962) в те годы был аспирантом кафедры фоль-

³⁸ Дружинин. С. 420–423. Впрочем, следует отметить, что это выступление было лишено доносительства. По воспоминаниям, в 1956 г. он заступался за И. Дедкова и вообще вел себя достойно (*Бернаскони Е.Б.* Журналистика не профессия: это — образ жизни // Идеи и новации. 2017. № 2. С. 15).

³⁹ См.: [*Б.н.*] До конца разоблачить космополитов-антипатриотов! С собрания московских драматургов и критиков // Правда. 1949. № 57, 26 февр. С. 3; [*Б.н.*] К дальнейшему расцвету советской драматургии и театрального искусства: На общемосковском собрании драматургов и критиков // Культура и жизнь. 1949. № 7. 27 февр. С. 4.

клора, впоследствии стал известным фольклористом, доцентом филфака⁴⁰. Неуверенно читающаяся фамилия может быть понята как Кирдан, то есть Борис Петрович Кирдан (1920 или 1922 — 2006), в то время студент филфака, после окончания — видный фольклорист, занимался как русским, так и украинским народным творчеством. А.М. Еголин, напомним, был в это время заведующим кафедрой русской литературы филфака и директором ИМЛИ, а до того занимал ряд крупных постов в партийной иерархии, после ждановского постановления был главным редактором журнала «Звезда». Ни одного доброго слова о нем нам найти не удалось. Е.И. Ковальчик, судя по всему, продолжала агитацию против Пospelова. Косвенно об этом свидетельствует то, что на коллегии Минвуза 23 апреля единственным, против кого она высказалась персонально, был именно он: «Третий вопрос — вопрос преподавания теории литературы. Это курс, который вел Пospelов и, на мой взгляд, он не имеет права быть повторен, пока он не перестроится. Здесь нужна глубокая политическая перестройка. Деканату нужно найти хороших, глубоко подготовленных преподавателей по вопросам теории литературы. Я ставлю этот вопрос очень серьезно потому, что от него зависит подготовка по конкретным курсам. Нельзя строить этот курс отвлеченно, раскрывая академически отвлеченные эстетические категории, должна быть боевая, партийная направленность, передавая опыт развития советской литературы, нужно положить в основу теоретическое обобщение. От того, как будет читаться этот курс, будет зависеть направленность воспитательной работы на факультете. Нужно не забывать, что готовя будущих деятелей в этой области, нужно заботиться о их мировоззрении на действительность, нужно, чтобы они получили глубокое изучение курса по литературе»⁴¹. Прямо Катон Старший!

8 марта следует вроде бы невинная, но на деле очень знаменательная запись: «Я был на засед[ании] [отдела] совет[ской] лит[ературы] в Инст[итуте]. Доклад Перцова о Маяковском. Познакомился с Метченко из Куйбышева. Пишет доктор[скую] диссе[ртацию] о Маяковском» (Л. 100об.). С В.О. Перцовым Розанов дружил, они ходили друг другу в гости. А вот появление будущего заведующего кафедрой советской литературы А.И. Метченко как будто нарочно совпадает с высшим накалом страстей. Выше мы уже говорили, что всего через три года он был переведен из Куйбышева в Москву со специальным партийным поручением.

9 марта новые сигналы: «Получил № газеты “Моск[овский] Унив[ерситет]” с разносом Пospelова, Фридмана, Гудзия и т.д. [...] Кс[ения]

⁴⁰ Его развернутый некролог, написанный А.М. Астаховой, см.: Литературное наследство. Т. 79. М., 1968. С. 639–642.

⁴¹ Дружинин. С. 408–409.

рассказала, что Нейман уволен из Пединститута. В библиотеке мне рассказали, что жестоко проработали Пинского и Металлова, и у Ивашевой дома сердечный припадок. Увезли в больницу. Наступали на них Самарин и особенно молодой Виппер» (Л. 101). Сперва речь идет о статье С. Галина «Против космополитизма в науке и искусстве»⁴². Мы уже упоминали выше, что своим предметом она избрала тех же, кто подвергся критике в выступлении Е.С. Ухалова. Чисто арифметические подсчеты показывают: критике Поспелова посвящен целый столбец газеты из трех, занимаемых статьей, 17 строк посвящены Н.К. Гудзию, 20 — Н.В. Фридману, одной фразы удостоен П.Г. Богатырев. Попутно автор лягнул Б.И. Пуришева, М.Н. Петерсона, чуть подробнее выговорил автору программы по истории персидской литературы доценту А.А. Старикову за паниранизм. Формулы и аргументы те же, что и в других работах, поэтому-то сами по себе они не важны, а важно, кто задет очередным залпом. А среди них были хорошо знакомые Розанову профессор МГПИ Борис Владимирович Нейман (1888–1969)⁴³, доцент кафедры зарубежной литературы⁴⁴ Леонид Ефимович Пинский (1906–1981), преследования которого завершились в конце концов лагерным сроком, заведовавший еще в МИФЛИ, а потом до 1947 г. той же кафедрой Яков Михайлович Металлов (Левин; 1900–1976)⁴⁵, относительно благополучно далее существовавшая Валентина Васильевна Ивашева (1908–1991). Среди их гонителей названы хорошо известный, но обладавший дурной репутацией профессор Р.М. Самарин и будущий академик Юрий Борисович Виппер. Он назван «молодым» не только из-за возраста (в 1949 г. ему было 33 года), но и потому что был внуком известного историка и сыном не менее известного искусствоведа.

Об этой проработке у нас нет сведений. Судя по тому, что речь шла исключительно о сотрудниках кафедры зарубежной литературы, это было какое-то кафедральное собрание.

На следующий день — крошечный перерыв. «Утром у меня дипломицы мои и один бывший мой — Хмельницкая, Меркулова и Синявский. Последний пришел посоветоваться о теме “Эстетика Маяковского”» (Л. 101об.). В альбомах Розанова, хранящихся в составе его библиотеки в Гос. музее А.С. Пушкина, есть фотографии его студентов, среди

⁴² Московский университет. 1949. № 13–14, 4 марта. С. 2.

⁴³ Судя по всему, известие о Неймане, к счастью, оказалось неверным. 20 марта Розанов записал: «Были у Нейманов и у Дуся [Е.Ф. Никитиной]. Нейману в мае предстоит операция и он боится остаться без работы» (Л. 119).

⁴⁴ Она меняла названия, что для нас не принципиально.

⁴⁵ Разносу его научных трудов была посвящена пламенная речь А.Ф. Ивашенко на много раз упоминавшейся коллегии Минвуза.

которых особое внимание привлекают А.Д. Синявский, В.Н. Топоров и В.Н. Турбин.

Наконец, 11 марта состоялось выдающееся событие.

Мое выступление в Институте в прениях по докладу Ф.М. Головенченко. Нач. 2 ч. 15 м.

До меня говорили: Степанов, Благой, Мартынов, после меня Самарин. В конце выступления Самарина я ушел, т.к. у меня поликлиника.

Заседание происходило в большом зале. За столом Еголин, Петров, Шагинян — слева от Еголина, а справа Благой, я, Бродский и Шамориков. Пока говорили Благой и Мартынов, я приводил в порядок свои бумажки. Приятно было стать на кафедре и видеть, что тебя будут слушать так много квалифицированных людей. Я говорил уверенно и громко. Вероятно, 15 или 20 минут (Л. 106).

Степанов здесь — Николай Леонидович (1902–1972), профессор МГПИ и сотрудник ИМЛИ. Печально это констатировать, но он явно решил свести счеты со своими оппонентами, которые до того не упоминались в числе опасных врагов: «Не только Пушкина, но и Маяковского космополиты пытались превратить в ученика французских декадентов. Так в клеветнических статья Хардушева и Трекина [так!] Маяковский был представлен учеником декадентов Лафарга [так!] и Корбьера. В статье “Маяковский” Федорова, изд. Ак. Наук [так!] развивалась весьма “академическая” бредовая мысль о “зависимости” Маяковского от буржуазного декадентства (Бодлера, Рембо и пр. писателей 90-х годов)»⁴⁶. Правда, в конце концов он не пожалел и себя: «Следует сказать со всей искренностью и о той тяжелой политической ошибке, которую я раньше допускал, рекламируя Хлебникова, этого “столпа” формализма»⁴⁷.

О выступлении Д.Д. Благого первопроходцы изучения этого периода филологической жизни писали с явным неодобрением: «... на погромном заседании Ученого совета 11 марта 1949 г. Д.Д. Благой откровенничал: “Мы, старые работники института, прекрасно знаем и помним то недавнее время, когда Институт Мировой Литературы был в состоянии почти полного паралича, почти полного омертвения. В сущности говоря, только этой обстановке можно приписать появление в нашей среде Яковлева,

⁴⁶ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 154. Хардушев и Трекин — это, конечно, Н.И. Харджиев и погибший на войне В.В. Тренин. Некий Федоров — известный литературовед и лингвист Андрей Венедиктович (1906–1997), автор статьи «Маяковский и литература Запада» (Владимир Маяковский. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940. Сб. 1).

⁴⁷ Там же.

который не имел никакого отношения ни к литературоведению, ни к науке. [...] Я и покойный [М.А.] Цявловский и [Б.П.] Козьмин разводили руками по поводу этой кандидатуры и указывали, что нет данных к тому, чтобы привлекать Яковлева на работу в наш Институт. Этот вопрос был снят, а через 2–3 недели Яковлев не только был принят в Институт, но начал ходить в “метрах”, в идеологах, делая вид, что он владеет ключом марксистско-ленинского литературоведения”⁴⁸. Кажется, этот фрагмент текста может быть прочитан иначе. Во-первых, Благой не раскрывает псевдоним. Во-вторых, он дает вполне объективное описание научной ценности работы Б. Яковлева. Наконец, следует отметить, что он, кажется, единственный из выступавших вступился за компаративистику, свалив вину за негодные методы на покойного Д.П. Якубовича. Он говорил: «Приведу еще один пример из практики академического издания Пушкина. На одном из заседаний редколлегии один из членов редколлегии, кажется, покойный Якубович, настаивал на включении не обычного текста Андре Шенье, считая, что надо отсечь конец, и аргументировал тем, что мадам де-Зульер (в первый и в последний раз я слышал это имя из уст Якубовича) явилась основоположником этого жанра исторической элегии. Конец выпадал из этой структуры. Пушкин не мог наследовать в этом смысле правилам, установленным мадам де-Зульер. [...] нельзя изучать, как мне представляется, развитие русской литературы и в совершенном отрыве от других литератур, как нельзя, как это было указано в Сталиным, Ждановым и Калининим — по учебнику о русской истории — изучать русскую историю в отрыве от истории мировой. Нам нет дела до изучения Пушкиным мадам де-Зульер, но нельзя, говоря о творческом развитии Пушкина как поэта, не говорить в этой связи о Байроне, о Шекспире. А мне рассказывали, что в очередном томе русской литературы, посвященном Пушкину, уже в верстке была сделана радикальная перестройка и изъято все то, что говорилось об этих вопросах. Это впадение в уродливую и противоположную крайность»⁴⁹.

Несколько слов о других людях, упомянутых в записи.

⁴⁸ Пановы. Цит. соч. С. 274.

⁴⁹ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 162. При ссылке на работу корифея всех наук то ли сам Благой, то ли скорее стенографистка сделала ошибку: речь шла о работе Сталина, Жданова и Кирова «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» (1934), завершавшейся фразой: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, — это во-вторых». Мадам Антуанетта Дезульер (1638–1694) — французская поэтесса, над последователями которой издевался еще Ф.М. Достоевский. Нынешнюю оценку ее творчества и его влияния на русскую литературу см.: *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005 (по указателю).

Сведений о И.А. Мартынове нам собрать не удалось. Сергей Митрофанович Петров (1905–1988) был известным литературоведом, специалистом по историческому роману и теории соцреализма, в то время — заместитель директора ИМЛИ. Иван Васильевич Шамориков (1899 — после 1966) — ученый секретарь ИМЛИ, некрасовед. Возможно, следует отметить, что после ареста М. Кольцова до осени 1940 г. он был исполняющим обязанности редактора журнала «Огонек»⁵⁰. М.С. Шагинян была ученицей Розанова, о чем он всегда помнил.

До сих пор о его докладе можно было узнать только из неподписанной статьи в «Литературной газете», где говорилось: «Проф. И.Н. Розанов говорил о той вредоносной деятельности, которую вели космополиты в области изучения советской песни и фольклора. Характерно, что когда И. Розанов выступил со статьей о народном характере поэзии Исаковского, он вызвал тем самым “неудовольствие” Субоцкого, который, по своему обыкновению, начал обвинять его в “казенном [так!] патриотизме” и даже собирался “проработать”»⁵¹.

А вот какова была его речь, если судить по записи стенографистки. Кажется, в особых комментариях она не нуждается.

⁵⁰ См.: Максименков Л. «Оживить “Огонек”»: Как Евгений Петров стал редактором «Огонька» // Огонек. 2016. № 50. С. 34.

⁵¹ [Б.н.]. Против буржуазного космополитизма в литературоведении // Литературная газета. 1949. № 23, 19 марта. С. 3. О Лье Матвеевиче Субоцком (1900–1959) можно было бы написать увлекательную книгу. Член партии эсеров, затем большевиков. В 1930-е гг. военный юрист (одна из должностей — начальник 4-го отдела Главной военной прокуратуры по войскам НКВД и погранохраны) и параллельно литературный деятель, был даже редактором «Литературной газеты». В 1937 арестован, в 1939 приговорен к 6 годам лагеря. 31 декабря того же года уголовное дело было прекращено со снятием судимости. В годы войны — снова военный прокурор, полковник (о его службе см.: <http://www.xp--80adc3aa2ah.xp--plai/assets/-subocky-l.m110818.pdf>). В 1946–1948 гг. рабочий секретарь Союза писателей. 9–10 февраля 1949 г. на партсобрании в Союзе писателей подвергся жесткой критике, его было предложено исключить из ВКП(б) (подробное изложение событий см. в докладной записке Агитпропа за подписью Д.Т. Шепилова на имя Г.М. Маленкова: Сталин и космополитизм. С. 282–289), что отразилось в ряде статей: [Б.н.] Об одной антипатриотической группе театральных критиков (на партийном собрании Союза советских писателей) // Правда. 1949. № 42, 11 февр. С. 3; Паперный З. Существо бездушное... // Литературная газета. 1949. № 14, 16 февр. С. 3 (несмотря на почти полное совпадение его статьи с более авторитетными публикациями, Паперный был подвергнут жестокой критике: «Под видом разоблачения космополита Л. Субоцкого З. Паперный весьма беззастенчиво рекламирует сам себя и свою газету. Цель З. Паперного ясна: доказать, что «Литературная газета» якобы всегда решительно боролась с гнилыми тенденциями Л. Субоцкого. Так ли это на самом деле? Разумеется, не так. [...] ...не помогут все эти беспринципные выкрутасы тов. Паперному и его единомышленникам» (Лосев П., Директор областного гос. издательства. Г. Ярославль. Сомнительные выкрутасы работников «Литературной газеты»: Письмо в редакцию // Правда. 1949. № 56. 25 февр. С. 3); [Б.н.] На партийном собрании Союза советских писателей // Культура и жизнь 1949. № 4, 11 февр. С. 3. Однако он все-таки уцелел. На его могиле (Новодевичье кладбище) значится: «Писатель».

Я не буду говорить о юзовских, борщакотских [так!] и малютиных [так!], ставших нарицательными именами. Юзовского я знаю, слышал, но никогда не читал. Простите мое невежество. Я также никогда не читал также и Борщакотского и Малютина. Почему? Потому что это меня не интересовало. Театроведение — не та область, с которой я кровно сливался за годы моей долгой работы. Буду говорить только о том, что мне особенно близко и особенно дорого. Мне дорого и советское литературоведение, мне дорога и советская поэзия, мне дорога в особенности советская песня, и на советской песне я и остановлюсь главным образом. Но предварительно скажу несколько слов о типе писателя, который подлелжит сейчас совершенно правильному резкому осуждению.

Есть люди без почвы, без крепкой связи с жизнью народа и потому — без серьезного содержания. Понятно, почему они становятся формалистами, эстетам, подражателями, космополитами. Это для меня почти одно и то же.

Подражательность — явление довольно обычное и в некоторых случаях полезное; часто поэты не сразу находят себя. Подражателями бывают и большие поэты в начале своей деятельности. И Пушкин был подражателем, и Лермонтов, и Некрасов, и Маяковский, но все они, возмужав, отреклись от своих ранних подражательных вещей, и резко отреклись. Но если у автора нет собственного осмысленного отношения к жизни, а следовательно — нет и содержания, он всю жизнь может остаться подражателем или, что то же самое, — формалистом, эстетом и космополитом.

Эстетство — это злейший враг подлинного искусства потому, что похоже на него с внешности. Настоящее подлинное искусство всегда требует огромного труда и отчасти самопожертвования. Достаточно вспомнить жизнь наших великих поэтов — Пушкина и Лермонтова. Разве тут мало было страданий, мало было гонений и т.д.? Гений — есть труд прежде всего. Достаточно посмотреть на черновики Пушкина, черновики Льва Толстого, величайших наших писателей и в то же время величайших тружеников! А вот подражатели, формалисты, эстеты, космополиты — это люди, которые, по моему мнению, хотя бы поменьше работают и получше устраивают свое существование.

Баратынский сказал об истинных поэтах и подражателях следующие замечательные строки. Сначала об истинных поэтах:

Борьбу с тяжелою судьбою
Купил он мерой выше сил,
Сердца судорог ценою,
Он в выражениях купил.

Потом, обращаясь к подражателям, он говорит:

А ваша муза площадная
Тоской.....

С чужим ребенком на руках.

Конечно, судороги не обязательны, но по существу верно. И вот что сказал Некрасов:

А я, когда начну писать,
Перестаю и есть и спать.

Я думаю, что формалисты и эстеты, когда пишут, никогда не забывают поеть.

Отрывки эстетства и формализма мешают многим нашим фольклористам обратить должное внимание на поэтическое творчество, на народный фольклор, в котором отразилась революционная борьба рабочего класса. В этом существенный недостаток современной фольклористики. Этот недостаток только еще начинает изживаться, и то с трудом. Уже есть исследователи, вплотную занявшиеся этим вопросом.

Вчера я председательствовал на секции народного творчества Союза Писателей, был доклад Алексея Петровича Пруссакова о московском рабочем фольклоре наших дней, потом были выступления поэтов-рабочих и песни рабочих бригад. Было представлено пять крупных заводов: автозавод имени Сталина, завод Красный Пролетарий, завод Серп и Молот, фабрика «Парижская коммуна» и комбинат Трехгорной мануфактуры.

И я с полной ответственностью говорю, что некоторые стихи, прочитанные рабочими, были ничуть не хуже стихов, которые печатаются в журналах, и невольно приходило в голову, что очень снижают нашу народную талантливость, когда думают, что наша поэзия — это только поэзия членов Союза Советских Писателей.

Эстетство, формализм и космополитизм сказались и в недопустимом отношении к советской песенной лирике. Наша книжная советская поэзия может гордиться рядом прекрасных поэм, но книжная лирика, несомненно, уступает сейчас песенной лирике. И вот, такого расцвета песенной лирики, какой мы видим, у нас никогда не было и вряд ли есть у какого другого народа. Этим мы можем гордиться в первую очередь.

Наши песни, скажем, «Катюша» Исаковского в новейшее время прошла по всему миру, имела отзвуки и в Америке, и в Японии, имена Лебедева-Кумача и Исаковского занимают тоже первое почетное место. А поэты-эстеты, для которых родина — только тема для литературных упражнений, а вовсе не для серьезных глубоких переживаний, поэты-эстеты пренебрежительно относятся ко всякого рода песне. Почему? А потому, что, по их мнению, это примитив. Им

никакого дела нет до того, что весь народ любит и поет эти песни, им важно мнение небольшой кучки своих друзей-эстетов. Говорят, что песня обязана композитору, что важна музыка, а текст совершенно не важен. Я был свидетелем блестящего опровержения этого положения. На днях я присутствовал на вечере поэта-песенника Фатьянова и убедился, что высокомерие эстетов не имеет никаких оснований. Фатьянов не пел, а только читал свои песни. Можно было судить только о тексте, а не о музыке, и тем не менее почти каждое прочитанное им стихотворение вызывало гром аплодисментов. Очевидно, среди присутствующих не было заядлых эстетов и снобов. И когда присутствующие делились впечатлениями, то именно говорили не про то, что это песни, а какие хорошие стихи, т.е., значит, текст ценен и нельзя сказать, что всё делает только музыка. Текст Лебедева-Кумача сам по себе ценен; текст Исаковского — сам по себе ценен.

Скажу несколько слов о недавно умершем Лебедеве-Кумаче. На панихиде его очень взволнованно, очень горячо выступал поэт С. Васильев. Он, между прочим, подчеркнул, что у Лебедева-Кумача была тяжелая жизнь. Не потому, что он нуждался — это было в ранней юности, потом это прошло; к нему очень хорошо относились правительство, и партия; а дело в том, что его не признавали, игнорировали товарищи поэты. И опять — из каких соображений? Это — песни, это — примитив.

По-моему, явление совершенно печальное и скандальное, когда было отклонено заявление Лебедева-Кумача с просьбой принять его в члены Союза, а через некоторое время, когда он был награжден правительством, сейчас же постарались принять его задним числом. Я хорошо помню то недоброжелательство, которое проявлялось тогда к нему. В частности, и это награждение правительства вызвало к нему необычайную зависть. Досталось и мне за него именно потому, что я первый выступил со статьей о Лебедеве-Кумаче, и очень много мне за это выговаривали, как это я мог, и т.д., и т.д. Я сначала гордился тем, что я первый выступил о нем, а потом перестал гордиться, и вот почему: я думал, что я прошибу это недоверие, что после меня начнут и другие писать о Лебедеве-Кумаче и наших песнях, но я этого не дождался. Литература о Лебедеве-Кумаче тоже недостаточна. Существует недооценка той поэзии, которой мы можем гордиться, и в первую очередь нашей советской песней, что до сих пор не проникло еще в сознание так, как это должно было быть.

Помню я также и другую неприятность, связанную с аттестованием песни. Когда я написал статью об Исаковском, я узнал, что это вызвало большое неудовольствие Субоцкого, он начал обвинять меня в квасном патриотизме, хотел меня «обработать», но кто-то отговорил.

Субоцкого сотрудники нашего Института знают, потому что он у нас был членом Ученого Совета, собственно говоря, не был, а числился, потому что ни разу не изволил пожаловать на заседание Ученого Совета, и только тогда, когда перестал играть какую-нибудь роль в Союзе Писателей, только тогда пожаловал, причем сидел и не произнес ни одного слова.

Вот какое участие было в Ученом Совете этого члена Ученого Совета.

Субоцкого я знаю не только по Институту, где я видел его, но не слышал, но знаю по работе в Союзе Писателей. И здесь у меня составилось самое неблагоприятное впечатление о нем, именно по рассказу целого ряда фольклористов. Например, Пруссаков, который серьезно лет десять занимается рабочим фольклором, жалуется на то, что пятнадцать раз добивался свидания с Субоцким, чтобы поговорить о рабочем фольклоре, и каждый раз ему отказывали.

Другой фольклорист Каменская говорит, что несколько раз пыталась говорить с Субоцким о русском фольклоре, и ее поразило его отрицательное отношение.

Поразительно, как можно не ценить автора таких песен, как «Широка страна моя родная», которая стала вторым гимном, и надо сказать, что это произведение прекрасно не только с точки зрения музыки Дунаевского. Дело не только в Дунаевском, а дело прежде всего в Лебедеве-Кумаче. Это произведение несомненно имеет колоссальное воспитательное значение, а сейчас мы должны на это обращать внимание в первую очередь.

Если разобраться, то о чем здесь говорится «старикам везде у нас почет», и Лебедев-Кумач мне лично говорил, что когда по поводу этой строчки ему говорили: «Хорошо, но ведь не везде это так», — я на это отвечал: «Если нет, то должно быть». «Представьте, говорил Лебедев-Кумач, если человек поет мою песню, мои слова, он невольно задумается, как же так, я пою, что почет должен быть старикам, а сам не уважаю стариков». Это совершенно верно. Воспитательная роль наших песен, песен и покойного Лебедева-Кумача, и Исаковского, и Фатянова важна, учитывая влияние, которое они оказывают.

Я считаю, что против тех положений, о которых я говорю, формалисты, подражатели, эстеты, космополиты, я их смешиваю в одну кучу, все они между собой очень близки, не могут возразить. Они не могут возразить против начальных строк этой песни: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек», — против этого ничего не скажешь. А вот по поводу этих строчек: «Как невесту, родину мы любим, бережем, как ласковую мать», — по-моему, этих слов они не могут сказать искренно⁵².

⁵² Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 171–177. Черновик выступления (в разорванном виде) сохранился среди бумаг Розанова в Гос. музее А.С. Пушкина.

Выступавший после него Р.М. Самарин наряду с критикой коллег и собственной деятельности⁵³ прямо сослался на речь Розанова: «Пару слов надо сказать о проблеме борьбы против космополитизма в применении к изучению западной литературы. Совершенно правильно выступавший передо мной Иван Никанорович Розанов говорил, что он валит в одну кучу буржуазных эстетов, формалистов и космополитов. Я не говорю о выражении “валить в одну кучу”, это вопрос образа, он мне в данном случае нравится, он эмоционален, остр, — он передает ощущения Ивана Никаноровича в целом»⁵⁴.

Еще некоторое время после выступления Розанов продолжает собирать мнения других о нем и о собрании вообще. Так, 12 марта он записывает: «Перцов мне сказал, что я выступал вчера правильно, но “камерно”» (Л. 108об.). 16 марта: «Мер..... [нрзб] сообщила Кс[ени], что один знакомый ей партиец был в Инс[титу]т[е] в пятницу на заседании и нашел, что мое выступление было самым “страшным”, потому что самым искренним» (Л. 112об.). 19 марта, прочитав упоминавшийся отчет о заседании в ИМЛИ: «19 марта: «Веч[ером] прочел “Лит[ературную] Газ[ету]” с упоминанием обо мне по поводу *Суббоцко*» (Л. 118об.). 21 марта: «Заходил в Инст[итут] дать для переписки тезисы моего доклада. Беседа с Шамориковым и с Баклановой. Нат. Ан. вспомнила, что на первом заседании Мотылева была и держалась очень самоуверенно» (Л. 119об.). Наконец, 24 марта: «Кс[ения] сообщила, что Кома Иванов⁵⁵ со слов кого-то, бывшего на моем выступлении в Инст[итуте] 11 марта,

Стихотворные цитаты искажены стенографистками. Боршаковский — А.М. Борщаговский, Малютин — драматург Л. Малюгин. А.П. Прусаков (1902–1970) — московский фольклорист и краевед. 23 февраля он выступал на секции народного творчества Союза писателей с докладом «Современный фольклор московских рабочих» (пригласительный билет вклеен в дневник Розанова, л. 84). Имеющийся в виду «Вечер современного рабочего фольклора Москвы» с его вступительным словом состоялся в ЦДЛ 10 марта. Розанов записал о нем: «Замечательное заседание секции народного творчества. Впервые в Союзе, в Клубе, в Доме литераторов выступление представителей не крестьянского, а *рабочего* фольклора» (Л. 101 об.) и вклеил пригласительный билет и вырезку из «Вечерней Москвы» от 10 марта: «Фольклор Москвы. Вечер в Доме литераторов». Вечер А. Фатьянова «Новые стихи и песни» состоялся в ЦДЛ 5 марта. Розанов записал в дневнике: «Веч[ером] я в Клубе. Вечер Фатьянова. Большой успех» (Л. 99об). Судьбу песни М. Блантера — М. Исаковского «Катюша» Розанов изучал много лет, но его работа была опубликована только посмертно: Песни о Катюше как новый тип народного творчества // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 310–325. Его статьи, которые упомянуты в выступлении: В.И. Лебедев-Кумач // Литературная учеба. 1938. № 11. С. 54–67 (или рецензия на «Книгу песен»: Новый мир. 1938. № 5. С. 283–284); Михаил Исаковский // Октябрь. 1945. № 7. С. 142–145. О С. Васильеве см. ниже.

⁵³ Фрагмент — Пановы. С. 294

⁵⁴ Л. 181.

⁵⁵ С Вяч. Вс. Ивановым Розанов был хорошо знаком по встречам во время отдыха.

распространяет слух, что мое выступление было самым замечательным» (Л. 124).

А как мы с дистанции в 70 лет можем охарактеризовать доступное теперь в полноте выступление И.Н. Розанова? На примере ленинградской кампании К.М. Азадовский и Б.Ф. Егоров продемонстрировали несколько типов выступлений тех, кто не был вынужден защищаться: 1) агрессивно наступательный, 2) вяло вторичный, 3) самокритический, 4) посвященный научным проблемам и лишь внешне привязанный к событиям, наконец — самый редкий — 5) речь в защиту обвиняемых. Понятно, что двух первых типов было более всего; третий продемонстрировал А.В. Западов⁵⁶, четвертый — Г.П. Макогоненко, последний — лишь Н.И. Мордовченко (Б.Ф. Егорова отговорил от резкого выступления его научный руководитель Г.А. Бялый). Москва добавила сюда еще несколько. Мы уже говорили о выступлении Д.Д. Благого, который, не отказавшись от дежурной риторики, в то же время говорил вполне резонные вещи. Любопытный тип представляет собой и выступление Розанова. Во-первых, насколько мы можем судить, оно не было вызвано никакими уговорами и предложениями — это было исключительно его собственное решение, основанное на довольно длительных размышлениях. Во-вторых, он отказался критиковать главных обвиняемых, дав нелестную характеристику лишь Л.М. Субоцкому, причем она была практически полностью заимствована из статьи Паперного в «Литературной газете», а у того — из решений партсобрания Союза писателей⁵⁷. Единственное собственное обвинение — прогул заседаний Ученого совета — выглядит смешным. Вдобавок заметим, что на судьбу Субоцкого выступление Розанова повлиять не могло: из Литературного института он уже был уволен, партийная его судьба должна была решаться в Союзе писателей. В «сухом остатке» — рассуждение о роли песни в сегодняшней поэзии, о современном фольклоре и о собственной роли в пропаганде творчества Исаковского и Лебедева-Кумача. Вряд ли

⁵⁶ Материалы, опубликованные П.А. Дружининым, представляют его позицию более неоднозначной.

⁵⁷ Ср. в его выступлении: «...он начал обвинять меня в квасном патриотизме, хотел меня “обработать”, но кто-то отговорил». — «Л. Субоцкий обвинил ряд писателей (Б. Полевого, А. Твардовского, А. Калинина и др.) в том, что они якобы возрождают “квасной патриотизм”» (Сталин и космополитизм. С. 283); «Все статьи Субоцкого заполнены этими клеветническими рассуждениями о “квасном патриотизме” советских писателей...» (Литературная газета. 1949, 16 февр.); «... Каменская говорит, что несколько раз пыталась говорить с Субоцким о русском фольклоре, и ее поразило его отрицательное отношение». — «Ему ненавистно всё то, что связано с проблемами национального своеобразия, национального характера. С презрительной издевкой он третирует эти проблемы» (Литературная газета. 1949, 16 февр.).

это заслуживает интереса в начале XXI в., но и порицание оратору тоже вряд ли следует выносить, особенно учитывая обстоятельства.

И все-таки нельзя не отметить, что после этого выступления Розанов на протяжении некоторого времени как будто находится под влиянием спровоцировавших его настроений. Так, 12 марта он заносит в дневник: «Поднялся, в библиотеке [ЦДЛ] прочел газету “Комс[омольская] Правда” (№, где статья против Исбаха), и “Труд”, едкое порицание “горе-музыковеду” Н. Брюсовой и Е. Гиппиусу. Они пренебрежительно относятся к песне» (Л. 108об.). Обе эти статьи относятся к разряду погромных. В «Комсомольской правде» написал только что защитивший кандидатскую диссертацию (и гордо подписавшийся «Кандидат филологических наук») Сергей Дмитриевич Артамонов (1915–1989), впоследствии работавший в МОПИ и Литературном институте. Статья начинается с беглых, но резко критических замечаний в адрес преподавателей МГПИ им. В.П. Потемкина — Н.И. Балашова (впоследствии академика), С.В. Тураева, Л. Гедымин и двух аспирантов, а затем переходит к характеристике заведующего кафедрой: «Это профессор А. Исбах. Он — член Союза советских писателей, автор статей в журналах, штатный лектор многих организаций. Трескучие фразы, широковещательные декларации, пустословие — таков ораторский стиль Исбаха». Честно говоря, с такой характеристикой можно было бы согласиться: Исбах не относится к числу выдающихся литературоведов. Но дальше начинается вакханалия: «Как бы ни рядился Исбах, а высказывают наружу его космополитические уши. [...] Так глумится космополит Исбах над дорогим советским людям именем Маяковского. [...] Исбах [...] нагло оклеветал прогрессивных деятелей Франции...» и т.д.⁵⁸ Впоследствии за Исбаха специально вступился К.М. Симонов, сказав на совещании редакторов центральных газет и журналов в Агитпропе 21 марта: «В “Комсомольской правде” была статья о педагогическом Московском институте и о работе там писателя Александра Исбаха. Там разбирается, в частности, его статья “Маяковский и Запад”. В “Комсомольской правде” не было ссылки на то, где печаталась эта статья, но я печатал ее в “Новом мире”, знаю ее хорошо, считаю верной и подписываюсь под каждым ее словом. А в “Комсомольской правде” она была процитирована издательски: были взяты начала фраз и обрублены концы или, наоборот, обрублены начала фраз и взяты только концы. Я уже не говорю о том, что в статье “Комсомольской правды” были к тому же перевернаны цитаты

⁵⁸ Артамонов С. Буржуазный эстет в роли профессора // Комсомольская правда. 1949. № 55, 8 марта. С. 4. На основании материалов газеты «За педагогические кадры» некоторые подробности о судьбе А. Исбаха добавляет Л. Кацис в рецензии, названной в примеч. 2 (с. 101–102).

из Ленина...»⁵⁹ Правда, заступничество не помогло: Исбах в том же году был арестован, получил 10 лет, отбыл 5 и только после реабилитации смог вернуться к литературной деятельности.

Вторая упомянутая Розановым статья, точнее отчет о собрании в Доме народного творчества, проецировала его выступление еще на одну сферу — самодеятельность. Особенно привлекло его в связи с этим выступление безвестного хормейстера Любимова: «Горе-музыковед Брюсова [...] в своей статье “Песни Владимира Захарова” двурушнически восхваляет творчество Захарова лишь для того, чтобы противопоставить его народной русской песне. [...] Барски-пренебрежительное отношение Брюсовой к богатству песенного русского фольклора сквозит в каждой строчке ее антипатриотической стряпни. [...] Другой лже-ученый Гиппиус, преподававший в консерватории и готовивший кадры хормейстеров, усиленно пропагандировал ту же реакционную идею о космополитическом происхождении русской народной песни»⁶⁰. Тон записи, как кажется, намекает на то, что Розанов прочел обе статьи не без удовольствия.

Дальше — больше. 14 и 15 марта секция поэтов Союза писателей провела вроде бы камерное заседание с докладом М. Луконина «Советская поэзия в 1948 году»⁶¹. Розанов оставил подробную запись, которую следовало бы специально расшифровать, но это не входит в задачу данной статьи. Приведем из нее лишь несколько фраз: «Совершенно не ожидал, что такое стечение народу. Уже перестали пускаться» (Л. 109об.). То, что завсегдатай Дома литераторов⁶² с трудом нашел себе место, свидетельствует о некоторой сенсационности мероприятия. Можно предположить, что ждали обсуждения под знаком борьбы с космополитизмом. И еще одна фраза: «Васильев (жаловался на Гельфанда, заступился за песни, прочел с огромным успехом у слушателей “Без кого на Руси жить хорошо”» (Л. 110). Здесь речь скорее всего идет о Марке Савельевиче Гельфанде (1899–1950), подвизавшемся в роли литературного критика, исключенном в 1949 г. из ВКП(б) и покончившего с собой через год после описываемых событий⁶³. Но важнее сообщение Розанова о том, что

⁵⁹ Сталин и космополитизм. С. 341.

⁶⁰ [Б.п.] Пресечь влияние космополитизма на художественную самодеятельность // Труд. 1949. № 56, 9 марта. С. 3.

⁶¹ Опул.: Литературная газета. 1949. № 23, 19 марта. С. 2–3. Отчет: [Б.п.] Советская поэзия в 1948 году // Литературная газета. № 24, 23 марта. С. 3.

⁶² Речь идет именно о нынешнем писательском центре — ул. Воровского (Поварская), д. 50, а не о Доме Герцена на Тверском бульваре, как сказано в статье К. Азадовского и Б. Егорова.

⁶³ О его бурной и таинственной биографии см.: *Овсянников Н.* Марк Савельевич Гельфанд // Заметки по еврейской истории. 2014. № 2. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer2/Ovsjannikov1.php> (дата обращения: 12.06.2019)., а также многочисленные комментарии к этой статье.

Сергей Васильев читал свою знаменитую антисемитскую поэму «Без кого на Руси жить хорошо» не просто компании подвыпивших слушателей в ресторане ЦДЛ, а на вполне официальном собрании, и прочел с огромным успехом. Понятно, что А. Софронову, Н. Грибачеву, Вас. Федорову, В. Солоухину, С.В. Смирнову она должна была понравиться, но вместе с тем на заседании были такие люди (они, конечно, могли отсутствовать во время чтения), как Вл. Луговской, В. Инбер, В. Звягинцева, С. Кирсанов, С. Наровчатов, П. Антокольский, Ю. Друнина, М. Алигер, К. Симонов. Стало быть, накал «праведного гнева» был таков, что, как сказал в схожей ситуации А.В. Западов: «Я водил роту в атаку. Страшно. Но здесь страшней!»⁶⁴

Видимо, следует отметить, что эта поэма на долгое время так и осталась ненапечатанной, и лишь в 1990-е гг. ее стало можно цитировать и даже полностью опубликовать⁶⁵. Но в качестве своеобразного приза от Союза писателей можно рассматривать рецензию на книгу стихов Васильева «Подмосковный уголек», напечатанную в том же номере «Литературной газеты», что и отчет о заседании с его неназванным в тексте триумфом⁶⁶. И чуть позже появилась публикация в «Правде»⁶⁷ — первая за послевоенное время.

И вдруг ситуация резко переменилась. Сперва Розанов столкнулся с тем, что его близкий друг Н.К. Гудзий, оказывается, не разделяет его взглядов и интересов. 26 марта он записал в дневнике: «Веч[ером] с Кс[енией] у Гудзья. Он защищать начал Суббоцкого и Антокольского и бранить Исаковского и Недогонова. Кат. Ив. очень агрессивно переживает нападки на космополитов. Гудзий занят окончанием книги о Пушкине для Украины. В общем, оба они произвели тяжелое впечатление» (Л. 128). Вряд ли можно заподозрить Н.К. Гудзья в том, что он следовал каким-то новым указаниям. Но комментаторы сборника «Сталин и космополитизм» предполагают, что именно в промежутке между 23 и 26 марта было принято решение о приостановке кампании в том виде, какой она приняла. 26 марта состоялось упоминавшееся выше совещание главных редакторов, которое вел М.А. Суслов, и на нем уже вполне отчетливо звучали примирительные ноты. 23 марта появилась последняя погромная

⁶⁴ Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты». С. 105.

⁶⁵ Со ссылкой на роман Г. Свицкого «Заложники», к тому времени в России не опубликованный, ее цитировали Азадовский и Егоров. Публикации см.: *Ваксберг А.* Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 261–265; Подцензурная поэма // Наш современник. 1999. № 3. С. 251–253 (с пометой: «Печатается по оригиналу из архива Сергея Васильева»); *Вдовин А.И.* Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 285—290.

⁶⁶ *Никулин Л.* Гордый шахтерский труд // Литературная газета. 1949. № 24, 23 марта, С. 3.

⁶⁷ *Васильев С.* Так решили большевики // Правда. 1949. № 96, 6 апр. С. 3.

статья в «Литературной газете»⁶⁸, и с тех пор ничего похожего в ней не печаталось. Даже статьи с резко критическим запалом избегали подобной риторики, еще недавно использовавшейся безо всякого стеснения⁶⁹. Еще решительнее была «Правда»: в феврале и до 4 марта она регулярно отмечалась на космополитической ниве, однако затем была напечатана только одна статья такого рода, посвященная архитектуре⁷⁰, и именно «Правда» окончательно поставила точку в открытой кампании⁷¹. Но Розанов еще довольно долго, по меркам стремительно летевшего тогда времени, не мог этого осознать, хотя сигналы и поступали. И тут мы снова переносимся на филологический факультет.

30 марта среди многих дел Розанов фиксирует:

4) Т.к. Балакин, к[оторо]го я увидел в МГУ, предложил прочесть доклад о космополитизме в фольклористике, я зашел в клуб к Вал. Ник. Фирсановой и поговорил по телефону с Нат. Ив. Рождественской.

5) В аудитории № 66 должен был быть доклад Чемоданова. Результаты проработок. Масса народу. Борис Миллер. 40 мин. ждали. Чемоданов сообщил, что засед[ание] отложено (Л. 130).

Как человек, вынужденно посещавший лекции Александра Михайловича Балакина (1908–1984) по югославской литературе, автор может засвидетельствовать, что худших за всё время обучения на филфаке ему слышать не довелось. Похоже, что эта репутация была у него с давних пор, но Розанов, тем не менее, за него ходатайствовал. И уж совсем странно, что его не насторожила отмена доклада декана факультета Н.С. Чемоданова. В дневнике профессора С.Б. Бернштейна это событие получило точное истолкование: «Неожиданно было отменено заседание Совета факультета, на котором должен был стоять доклад Чемоданова

⁶⁸ Речь идет о статье, направленной против Б.А. Бялика: *Озеров В.* Космополит-«теоретик» // Литературная газета. 1949. № 24, 23 марта. С. 3. На день раньше закончила кампанию другая газета. См.: [Б.н.] Буржуазные космополиты в архитектурной теории и критике // Культура и жизнь. 1949. № 8, 22 марта. С. 4. Там же было напечатано покаянное письмо Б.М. Кедрова.

⁶⁹ См., напр.: *Галсанов Ц.* [и др.] Идеализация реакционного эпоса // Литературная газета. 1949. № 25, 26 марта. С. 3–4; *Степанов Н.* Великий русский писатель-патриот: К 140-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Литературная газета. 1949. № 27, 2 апр. С. 3 (вспомним его речь на заседании Ученого Совета ИМЛИ!); [Б.н.] Насущные вопросы советского литературоведения: На заседании Ученого совета Института востоковедения АН СССР // Там же. С. 4; *Сердюченко Г.* Против идеализма и формализма в науке о языке // Литературная газета. 1949. № 28, 6 апр. С. 3, и т.д.

⁷⁰ *Крисько Г.* На ложных позициях // Правда. 1949. № 80, 21 марта. С. 3.

⁷¹ *Павлов Ю.* [Францев Ю.П.] Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции // Правда. 1949. № 97, 7 апр. С. 3. Перепеч.: Сталин и космополитизм. С. 370–376; там же — о значении этой статьи.

о борьбе с космополитизмом. Состоится в будущую среду, но уже при “закрытых дверях”. Кажется, подул ветер с другой стороны!»⁷²

Даже вполне определенное известие через день, первого апреля, не заставило Розанова сразу переменить в общем одобрительное отношение к уже завершавшейся в своей острой стадии кампании: «[Н.Л.] Бродский сообщил, что Штейна вернули в Лит[ературный] музей и что *нападения на космополитов приостановлено* [так!]» (Л. 131об.). На следующий день он, сетуя на давних коллег, ищет возможности осмысления новой реальности⁷³. Первые две приведенные ниже фразы о реакции на представленную на кафедре программу «Поэты пушкинской плеяды» фиксируют, что он фактически остался в одиночестве, а реакция на разговоры на дне рождения В.А. Дынник-Соколова (вдовы Ю.М. Соколова, которого Розанов очень любил) в присутствии двух ее братьев, один из которых — очень известный, крупный по тем временам историк философии, а другой, Сергей Александрович (1902–1974), был доктором технических наук, явно определены духом всех предшествовавших событий.

2 апреля. Настроение тоже было неважным (под впечатлением вчерашнего обсуждения моей программы. Мне кажется, что “они” (Бродский, Гудзий, Пospelов) стоят на старых позициях). [...]

⁷² *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 136.

⁷³ В этот день историк С.С. Дмитриев записал в дневнике: «Говорят, что в понедельник на этой неделе собирали в ответственном учреждении редакторов центральных газет и предложили несколько “приглушить” ставшие нестерпимо грубыми приемы печати по выявлению космополитов. Говорилось будто бы и о том, чтобы поосторожнее были с оргвыводами и наклеиванием ярлыков — диверсант, подпольщик, двурушник и пр. “всё такое”. В печати действительно заметна сдержанность. В предпоследнем номере “Литературной газеты” [Е.В.] Тарле в статье о Лермонтове даже нарочито похвалил авторов с еврейскими фамилиями и покритиковал авторов с русскими фамилиями. Последний, четверговой номер “Культуры и жизни” хранит гробовое молчание о космополитах. Все трепетные ожидания историков газета пока еще не оправдала. Нет даже хроникальной заметки о прошедших в Академии наук, в Академии общественных наук, в МГУ и пр. учреждениях собраниях о космополитах. Конечно, это не значит, что борьба с космополитами прекращена, но будет вестись она более серьезно, более осмотрительно и менее крикливо. [...] Субботний номер “Литературной газеты” благообразный, весь на мотив “Всё хорошо, прекрасная маркиза...” Только на 4-й странице между прочим, тихо, скромно сказано, что академик Крачковский не понимает своих ошибок. Однако же не только он от сего непонимания не наименован космополитом, но последнего слова вообще в газете не содержится. Режиссер свистнул, а может быть, только мигнул, и декорации мгновенно сменили. Вот так во всем поэту и получается: то команда “тащи!”, то “не пушай!”, в итоге Мырценов не знает удержу в исполнении как той, так и другой. Слух вполне заменяет ему движение собственного мозга» (Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / Публ. Р.Г. Эймонтовой // Отечественная история. 1999. № 3. С. 150).

Вечером втроем: я, Кс[ения], Лида были у Вали Дынник (рожд[ение] Вали — 51 г.). [...]

За ужином Мих[аил] Ал[ександрович] рассказывал, как 7 философов работают над ист[орией] филос[офии] (в 2 т[омах]) в Узком. О преклонении перед Западом и о затириании всего нового говорил Сережа. Его изобретению не доверяли: “Ведь этого нет еще и в Америке”. Вспомнили и Можайского. Все, и оба Дынника, и обе их сестры, и Лара [?] говорили, что проработка космополитов была нужна и принесла пользу, но хорошо и то, что сейчас прекратились [?] те формы, как она выражалась (Л. 132, 132об.).

В этом контексте интересно сообщение о работе над «Историей философии», связанное с забытой ныне книгой. После обсуждения «Истории западноевропейской философии» Г.Ф. Александрова (1947), когда в нее была выпущена масса критических стрел, причем завершающий удар нанес тов. Жданов, в марте 1949 г. Агитпроп доносил Г.М. Маленкову: «Предложить Институту философии (т. Александрову Г.Ф.) сосредоточить свои силы на выполнении задания ЦК ВКП(б) — ускорить написание марксистского учебника по истории философии и тем самым практически помочь партии в ее борьбе с низкопоклонством и раболепием перед растленной буржуазной культурой Запада, помочь делу воспитания советского народа в духе патриотизма, в духе коммунизма»⁷⁴. Однако 20 сентября тот же Агитпроп (за подписью Ю. Жданова) извещал М.А. Сулова: «Задачи, поставленные перед нашими философами-профессионалами в ходе дискуссии, остаются невыполненными. Новая, переработанная на основе дискуссии книга по истории философии не написана, и, судя по тому, как организовано дело, вряд ли она будет удачной»⁷⁵. В 1950 г. массивная рукопись планировавшегося двухтомника была доведена до макета, распечатана в некотором количестве экземпляров, и на нее стали собирать отзывы. Судя по всему, они были отрицательными, потому что массового тиража этот двухтомник (среди авторов которого был и М.А. Дынник) не получил⁷⁶. Впоследствии замы-

⁷⁴ Сталин и космополитизм. С. 319. Эта задача была сформулирована именно Ждановым.

⁷⁵ Там же. С. 499–500.

⁷⁶ С некоторыми заметными неточностями история передана в интервью А.Г. Мысливченко журналу «Вопросы философии»: «Первая попытка создания всемирной истории философии, которая была бы достойна великой державы, была предпринята в 1951 году, то есть еще при жизни Сталина. Был опубликован макет “Истории философии”, целиком посвященный истории марксистско-ленинской философии. У меня сохранился один экземпляр под номером 78. Его мало кто видел вообще, макет был только, даже не выпуск, а макет. Там жуткая картина представляла, когда видишь: на каждой странице “Сталин”, да еще по нескольку раз его фамилия вместе с инициалами пестрит. По любому философскому вопросу авторы спешили

сел трансформировался в шеститомную «Историю философии», но это уже совсем иная история.

Борьба с космополитами для Розанова закончилась 6 апреля, когда он оставил следующую развернутую запись в дневнике:

6 апреля. С 7 час., в МГУ, в ауд. 66, а после перерыва в Коммунистической — Ученый совет. Вход по билетам. Доклад Чемоданова о результатах обсуждений космополитизма на филологич[еском] факультете (то, что должно было быть в прошлую среду, но, очевидно, в сильно измененном виде). Чемоданов говорил 1 ч. 10 м. Я сидел в 1-ой между Борисом Миллером и Коваленской, за ней Виппер читал резолюции разных обсуждений. Ч[емоданов] употреблял много жалких слов: «Проходимцы» (в их число попал Аникст), упомянул неодобрительно ряд имен (неожиданно в том числе оказался Бродский, Ахманова, про Ожегова было сказано, что его лекции «бессодержательные» и т.д.), но лично от себя Чемоданов подверг сомнению правильность некоторых квалификаций. После перерыва (в Ком[мунистической] ауд[итории]) с меньшим числом слушателей (не всех студентов пускали) выступили.

1) Балакин (об ошибках в фольклористике. Азадовский, Гиппиус, Эрнст Вас. Гофман. Похвальн[ый] отзыв ее о работе про [?] ист[орию] франц[узской] фольклористики, низко оценивающую рус[ский] фольклор и т.д.).

2) Ивашева — зап[адная] лит[ература]. Каялась и нападала на Самарина.

3) Виноградов В. — каялся.

4) Куканов -- напал на Белкина, отчасти на Поляк.

5) Белкин — каялся и защищался от обвинений Куканова бытового характера: «Комиссия Отеч[ественной] войны» под нач[алом] Минца.

6) Глаголев — борьба с космополитизмом должна продолжаться, но без шумихи. Напал на Самарина как завед[ующего] кафедрой. А где же он был раньше.

Поведением и речью Чемоданова некоторые ([1–2 нрзб]⁷⁷) недовольны (Л. 135об.–136).

показать, а что Сталин говорил и думал об этом. В общем, целиком культово-догматическая работа. А кто там был в редколлегии? Александров, Дынник, Йовчук, Кедров, Леонов, Митин, Трахтенберг. Причем все они там фигурировали как просто авторский коллектив без указания, кто из них ответственный редактор, никто не хотел выдвигаться, потому что во времена культа Сталина “высовываться” было небезопасно» (Вопросы философии. 2015. № 3. С. 36).

⁷⁷ Здесь явно была названа фамилия, которую мы не смогли прочитать.

Насколько мы знаем, это единственное свидетельство о собрании, долженствовавшем подвести итоги более чем двухмесячной встряски. Большинство персонажей, упомянутых Розановым, хорошо известны в науке, поэтому приведем справки лишь о некоторых. Борис Всеволодович Миллер — заведующий кафедрой иранской филологии филфака. Э.В. Гофман более известна под фамилией Померанцева. Александр Михайлович Куканов (1912–1991) учился в МИФЛИ, участник войны. Был аспирантом Д.Д. Благого, который отказался от руководства его работой «Пушкин и Радищев», однако она всё же была защищена. Преподавал в Уральском университете, в 1956 был исключен из партии и уволен. После многочисленных ходатайств, в том числе филологов МГУ, был восстановлен в КПСС и получил работу в Мордовском университете, входил в саранское окружение М.М. Бахтина⁷⁸. Николай Александрович Глаголев (1896–1984) — зав. кафедрой русской литературы МОПИ и по совместительству профессор МГУ.

Как хорошо известно, уйдя со страниц печати, кампания не прекратилась. Но Розанов, насколько нам известно, уже никак на нее не реагировал. В каком-то смысле легко отделался и филологический факультет МГУ. В 1949 г. его миновали, насколько мы знаем, прямые репрессии, собрания не носили такого острого характера, как Ученый совет ИМЛИ⁷⁹. Характерно, что в «Служебной записке сектора вузов Агитпропа ЦК Д.Т. Шепилову об итогах закрытых партийных собраний в МГУ, посвященных борьбе с космополитизмом» (5 апреля 1949) филфак отсутствует. В результирующей части читаем: «Партийные собрания философского факультета, кафедры марксизма-ленинизма и исторического факультета приняли постановления, в которых просят ректорат университета освободить от работы в Московском государственном университете академика Минца, профессоров Юдовского, Белецкого, Разгона, Рубинштейна, Зубока, Звавича, Асмуса, доцентов Городецкого, Комми и Ярошевского. Приказом ректора университета т. Несмеянова уже освобождены от работы в университете академик Минц, профессора Юдовский, Разгон, Рубинштейн, Звавич и Зубок»⁸⁰. Нет информации о заседаниях на филфаке и в университетской многотиражке.

⁷⁸ См.: *Куканова Н.Г.* Бахтины в нашей жизни. URL: http://www.strannik-lit.ru/96656_17817_03_7_2015.html

⁷⁹ Возможно, это было вызвано хронологией. Резко критически говорили многие о деятельности факультета на партийном собрании 27 января, но оно состоялось еще до первой статьи в «Правде» (см. об этом выше), а завершающее собрание — уже тогда, когда вслух говорить о подобных предметах становилось опять непристойным.

⁸⁰ Сталин и космополитизм. С. 369.

Деятельность факультета, повторимся, обсуждалась на коллегии Минвуза 22–23 апреля, но и там всё обошлось малой кровью. В проекте решения было записано: «Освободить от работы на факультете профессора Мотылеву, профессора Бернштейн С.И., доцента Аникст и доцента Исбах»⁸¹. Здесь следует заметить, что местом основной работы Т.Л. Мотылевой был ИМЛИ⁸², А.А. Аникст был начальником кафедры в ВИИЯ, А.И. Исбах заведовал кафедрой в МОПИ. То есть главным местом работы МГУ был только у С.И. Бернштейна⁸³, и можно предполагать, что такой ход был защитительной мерой, чтобы сохранить своих преподавателей.

Послесловие

Из дневника И.Н. Розанова 1953 г.

(Л. 23об) 13 января. Вторник.

Утром в газетах о 9 врачах-вредителях, из них 8 профессора, состояли на службе у американцев или в английской разведке.

Вторник 27. День Эренбурга

(Л. 31об) Веч[ером], как сообщила Нат. Ив. [Рождественская], должно быть заседание бюро секции Нар[одного] тв[орчества] с обсуждением статьи в «Правде», где разоблачается Мирер⁸⁴. Я сообщил, что должен быть в Кремле на Эренбурге, не знаю, когда кончится, не ручаюсь, что смогу быть.

(Л. 33)

Уважаемый тов. Розанов И.Н.

Секретариат ССП СССР приглашает Вас 27 января в 2 ч. 30 мин. получить пропуск в Бюро пропусков Спасских ворот Кремля и в 3 часа дня присутствовать в Большом Кремлевском дворце на вручении Сталинской премии мира *И.Г. Эренбургу*.

Предъявление паспорта обязательно.

Секретарь Правления

ССП СССР

/А. Софронов/

⁸¹ Там же. С. 441.

⁸² В ее письме и материалах Агитпропа относительно возможного ее восстановления в ВКП(б) и на работе филологический факультет не упоминается (Там же. С. 385–387).

⁸³ К тому времени он уже был уволен. См. приказ от 16 апреля (*Богатырева С. Серебряный век в нашем доме. М., [2019]. С. 150–151*). Поводом были «выступления против советского материалистического языкознания — учения академика Н.Я. Марра». В 1950 г., после разгрома марризма, он был восстановлен на службе.

⁸⁴ См. в книге дочери фольклориста С.И. Мирера: «11 января 1953 года за два дня до публикации клеветнических материалов о пресловутом “Деле врачей-вредителей”, в “Правде” был напечатан фельетон под названием “За спиной у ведущих”. Кроме папы, автор раскритиковал там В. Ардова, А. Филатова и “прошелся” по десятку других писателей. Лейтмотив фельетона был такой: пока ведущие писатели сотворяют монументальные произведения, воспевающие нашу потрясающую реальность, всякая мелкая шушера халтурит и гребет деньги чуть ли не лопатами» (*Беленькая А. Поездка в Ляды. М., 2011. С. 254*).

(Л. 92-93) 2 апреля. Суббота.

Исторический день

[вклеена вырезка из газеты] СООБЩЕНИЕ

в «Правде» об освобождении врачей, неправильно обвиненных во вредительстве и о лишении врача Тимошук ордена (на 4 стр[анице] извещение о смерти М.Д. Эйхенгольца).

(Л. 94об) 6 апреля. Понед.

В «Правде» статья «Советская социалистическая законность неприкосновенна», где названы как ротозей бывший министр госуд[арственной] безопасности Игнатьев и как враг народа его заместитель Рюмин.

(Л. 95) 7 апреля. Вторник.

Утром в «Литературке» перепечатаны статья из «Правды» 6-го, в предыд[ущем] номере ст[атья] об «Извещении» 4-го апр[еля] и о Тимошук⁸⁵.

Нетрудно заметить, как изменилась вся тональность дневника. Видимо, уроки 1949 года не прошли даром.

Литература

Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135.

Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176.

Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М.: Институт славяноведения, 2002. 374 с.

Богатырева С. Серебряный век в нашем доме. М.: АСТ; Ред. Елены Шубиной, 2019. 510 с.

Богомолов Н.А. Девичье Поле // Звезда. 2019. № 6. С. 109–139.

Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр. и доп. London: Overseas publ. interchange, 1990. 671 с.

Дружинин П. Годовщина Победы или начало новой войны? // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 455–469.

Дружинин П.А. Идеология и филология: Документальное исследование: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 588, 703 с.

Дружинин П.А. Филологический факультет Московского университета в 1949 году: Избранные материалы // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 380–452.

Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / Публ. Р.Г. Эймонтовой // Отечественная история. 1999. № 3. С. 142–169.

⁸⁵ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 6. Ед. хр. 3. Листы указаны в тексте.

- Кацис Л.* Ошибки в идеологической работе // *Лехаим*. 2012. № 12. С. 98–102.
- Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. 576 с.
- Куканова Н.Г.* Бахтины в нашей жизни. URL: http://www.strannik-lit.ru/96656_17817_03_7_2015.html (дата обращения: 12.06.2019).
- Максименков Л.* «Оживить “Огонек”»: Как Евгений Петров стал редактором «Огонька» // *Огонек*. 2016. № 50. С. 34–35.
- Овсянников Н.* Марк Савельевич Гельфанд // *Заметки по еврейской истории*. 2014. № 2. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer2/Ovsjannikov1.php> (дата обращения: 12.06.2019).
- Огрызко В.* А судьбы кто?! Русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2016. 719 с.
- Огрызко В.* Советский литературный генералитет: Судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2018. 902 с.
- Огрызко В.* Создатели литературных репутаций. Русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2017. 703 с.
- Панов С., Панова О.* «История американской литературы» в советской Академии наук. Статья вторая // *Литература двух Америк*. 2017. № 2. С. 252–372.
- Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953 / Сост. Д.Г. Наджафова, З. С. Белоусовой; отв. ред. Д.Г. Наджафов. М.: Материк, 2005. 765 с.
- Хализев В.Е.* Г.Н. Поспелов в пору борьбы с «буржуазным либерализмом» и «космополитизмом» А.Н. Веселовского (1947–1949) // *Русское литературоведение XX века: Имена, школы, концепции*. М.; СПб., 2012. С. 21–30.

References

- Azadovskii K., Egorov B. “Kosmopolity” [“Cosmopolitans”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 36, pp. 83–135. (In Russ.)
- Azadovskii K., Egorov B. O nizkopoklonstve i kosmopolitizme: 1948–1949 [On kotowing and cosmopolitanism]. *Zvezda*, 1989, no. 6, pp. 157–176. (In Russ.)
- Bernshtein S.B. *Zigzag i pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovyie zapisi* [Zigzags of memory: Memoirs. Diary notes]. Moscow, Institute of Slavic Studies Publ., 2002. 374 p. (In Russ.)
- Bogatyreva S. *Serebrianyi vek v nashem dome* [Silver Age in our house]. Moscow, AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2019. 510 p. (In Russ.)
- Bogomolov N.A. Devich'e Pole. *Zvezda*, 2019, no. 6, pp. 109–139. (In Russ.)
- Druzhinin P. Godovshchina Pobedy ili nachalo novoi voiny? [The anniversary of the Victory or the beginning of a new war?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, no. 116, pp. 455–469. (In Russ.)
- Druzhinin P.A. Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta v 1949 godu: Izbrannnye materialy [Faculty of Philology, Moscow University in 1949: Selected materials]. *Literaturnyi fakt*, 2016, no. 1–2, pp. 380–452. (In Russ.)

Druzhinin P.A. *Ideologiya i filologiya: Dokumental'noe issledovanie: V 2 t.* [Ideology and philology: Documentary research: In 2 vols]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 588, 703 p. (In Russ.)

Iz dnevnikov Sergeia Sergeevicha Dmitrieva [From Sergey Dmitriev's diaries], publ. R.G. Eimontova. *Otechestvennaia istoriia*, 1999, no. 3, pp. 142–169. (In Russ.)

Katsis L. Oshibki v ideologicheskoi rabote [Errors in ideological work]. *Lekhaim*, 2012, no. 12, pp. 98–102. (In Russ.)

Khalizev V.E. G.N. Pospelov v poru bor'by s "burzhuaznym liberalizmom" i "kosmopolitizmom" A.N. Veselovskogo (1947–1949) [G.N. Pospelov at the time of struggle against A.N. Veselovsky's "bourgeois liberalism" and "cosmopolitanism" (1947–1949)]. *Russkoe literaturovedenie XX veka: Imena, shkoly, kontseptsii* [Russian literary criticism of the 20th century: Names, schools, concepts]. Moscow, St. Petersburg, 2012, pp. 21–30. (In Russ.)

Klein I. *Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoi literature XVIII veka* [Ways of cultural import: Proceedings on Russian literature of the 18th century]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 576 p. (In Russ.)

Kukanova N.G. *Bakhtiny v nashei zhizni* [The Bakhtin family in our life]. Available at: http://www.strannik-lit.ru/96656_17817_03_7_2015.html (accessed 12.06.2019). (In Russ.)

Maksimenkov L. "Ozhivit' 'Ogonek'": Kak Evgenii Petrov stal redaktorom "Ogon'ka" ["To relive 'Ogonek'": How Yevgeny Petrov became the editor of "Ogonek"]. *Ogonek*, 2016, no. 50, pp. 34–35. (In Russ.)

Ogryzko V. *A sud'ya kto?! Russkie kritiki i literaturovedy XX veka: Sud'by i knigi* [And who are the judges?! Russian critics and literary scholars of the 20th century: Fates and books]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2016. 719 p. (In Russ.)

Ogryzko V. *Sovetskii literaturnyi generalitet: Sud'by i knigi* [Soviet literary generals: Fates and books]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2018. 902 p. (In Russ.)

Ogryzko V. *Sozdateli literaturnykh reputatsii. Russkie kritiki i literaturovedy XX veka: Sud'by i knigi* [Creators of literary reputations. Russian critics and literary scholars of the 20th century: Fates and books]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2017. 703 p. (In Russ.)

Ovsiannikov N. Mark Savel'evich Gel'fand. *Zametki po evreiskoi istorii*, 2014, no. 2. Available at: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer2/Ovsjannikov1.php> (accessed 12.06.2019). (In Russ.)

Panov S., Panova O. "Istoriia amerikanskoi literatury" v sovetskoi Akademii nauk. Stat'ia vtoraiia ["History of American Literature" at the Soviet Academy of Sciences. Part 2]. *Literatura dvukh Amerik*, 2017, no. 2, pp. 252–372. (In Russ.)

Stalin i kosmopolitizm: Dokumenty Agitpropa TsK KPSS 1945–1953 [Stalin and cosmopolitanism: Documents of the CPSU Central Committee Agitprop 1945–1953], comp. D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova, ed. D.G. Nadzhafov. Moscow, Materik Publ., 2005. 765 p. (In Russ.)

Voslenskii M. *Nomenklatura: Gospodstvuushchii klass Sovetskogo Soiuz* [Nomenclature: The ruling class of the Soviet Union], 2nd ed. London, Overseas publ. interchange, 1990. 671 p. (In Russ.)

**“But I don’t wash away the shameful lines ...”:
1949 in Ivan Rozanov’s life**

© 2019, Nikolay Bogomolov

Abstract: The article is devoted to the events of February-April 1949 at the Faculty of Philology of Moscow State University and at the Institute of World Literature. The main source of information is the diary of Ivan Rozanov, who took part in events thoroughly studied on the example of Leningrad institutions (Faculty of Philology of Leningrad State University and the Institute of Russian Literature), while comparatively little has been known about Moscow events of that time.

Keywords: Ivan Rozanov, Moscow State University, Institute of World Literature.

Information about the author: Nikolay Bogomolov, Doctor Hab. of Philology, professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

Citation: Bogomolov Nikolay. “But I don’t wash away the shameful lines...”: 1949 in Ivan Rozanov’s life. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 303–340. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-303-340